

The book cover features a central illustration of a woman's face, framed by an ornate golden border. She has a crown of orange and red flowers and green leaves. Her eyes are a striking greenish-gold. She is holding a pan flute made of wooden reeds. The background is dark green with more foliage.

ПЛЯСКА ФЭЙРИ

СКАЗКИ СУМЕРЕЧНОГО МИРА

ЖИЛ ГЕЙМАН

ХОЛЛИ БЛЕК, ЧАРЛЬЗ ДЕ ЛИФТ, ПАТРИЦИЯ МАККИЛЛИП, ТАФИТ ЛИ

Мастера магического реализма (АСТ)

Нил Гейман

**Пляска фэйри. Сказки
сумеречного мира**

«Издательство АСТ»

2004

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-445

Гейман Н.

Пляска фэйри. Сказки сумеречного мира / Н. Гейман —
«Издательство АСТ», 2004 — (Мастера магического реализма
(АСТ))

ISBN 978-5-17-108314-4

Фэйри или подобные им существа можно встретить почти во всех культурах мира. Доброжелательные и ужасающие, обаятельные и возмутительные, они меняют форму от страны к стране, от истории к истории и от момента к моменту, не меняя своей сути. Прославленные составители антологий Эллен Датлоу и Терри Виндлинг собрали под одной обложкой лучших творцов фантастических рассказов и стихов, которые в своем творчестве опираются на величайшее богатство мировых знаний о фэйри и классических произведений о них: Нила Геймана, Холли Блэк, Чарльза Де Линта, Патрицию Маккиллип, Танит Ли и многих других. Идеино продолжая еще одну антологию Датлоу и Виндлинг, «Зеленого рыцаря», ставшую лауреатом Всемирной премии фэнтези, эта книга дерзка, провокационна и совершенно волшебна. Как и сами фэйри.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-108314-4

© Гейман Н., 2004

© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Предисловие	6
Введение: Волшебный народ	8
Мальчишки с Гусиного холма	21
Катнип	23
Эльфийское племя	39
Твои глаза-гранаты	54
Гора Тэнгу	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сказки сумеречного мира (сост. Эллиен Датлоу и Терри Виндлинг)

Ellen Datlow

Terri Windling

The Faery Reel: Tales From The Twilight Realm

© 2004 by Ellen Datlow and Terri Windling. All rights reserved

© А. И. Блейз, А. Г. Осипов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается Меррили Хейфшиц, которая, по выражению из одной старинной сказки, стала «повитухой фэйри» – или, по меньшей мере, книги о фэйри. Спасибо тебе, Меррили, за все, что ты сделала для этой книги и для многих-многих других!

Э. Д. и Т. В.

Предисловие

1

Фэйри и другие подобные духи природы встречаются в народных сказках по всему миру. Они обитают в лесах и на болотах, в реках и океанах, пустынях и джунглях, ютятся в щелях человеческих жилищ и в тенях городских улиц. Не так уж много на свете мест, где не найдется волшебного народа, если только не отпугнуть его нарочно – железом, булавками, солью или другими средствами. Кое-где вера в волшебный народ сохраняется и по сей день.

Некоторые утверждают, что древнейшими фэйри Европы были волшебные создания, приходившие к новорожденным детям, чтобы благословить или проклясть их на всю жизнь, – подобно трем богиням, которых древние римляне называли Судьбами. Слово «фэйри» (*faery, fairy*, английское название волшебного народа), так же как и «фея» (*fée, fai, fey*), происходит от итальянского *fatare* («заколдовывать, зачаровывать»). Страну волшебного народа в наши дни нередко называют Страной Фей (*Faërie*), а сам волшебный народ – эльфами и феями. Однако многие знатоки фольклора скажут вам, что не стоит произносить эти названия вслух: звать фэйри по имени и привлекать их внимание небезопасно. В деревнях все еще можно встретить людей, которые называют фэйри иносказательно: «добрый народ», «добрые соседи», «маленький народец», «сокрытый народ», а то и просто «они», – и произносят эти слова тихо и осторожно, чтобы фэйри не обиделись!

Если вы думаете, что фэйри – это крохотные крылатые существа, изящно порхающие с цветка на цветок, то у вас, вероятно, возникнет вопрос: к чему такие крайние меры предосторожности? Что может быть опасного в таких хрупких созданиях, как фея Динь-Динь из «Питера Пэна»? Но в народных легендах и поверьях фэйри куда разнообразнее тех, что обычно встречаются в детских книжках и мультфильмах. Они бывают и мужского, и женского пола; некоторые из них прекрасны, некоторые – уродливы; одни очень похожи на людей, другие заимствуют какие-то черты у птиц или зверей, минералов или растений. Есть добрые фэйри, а есть и злые, но самое главное – почти все они непредсказуемы: сегодня они вам помогают, завтра шутят над вами шутки, а послезавтра становятся откровенно опасными. Не будем забывать, что даже фея Динь-Динь пыталась застрелить Венди Дарлинг.

Именам, обличьям и размерам, обычаям и местам обитания, которые приписывают фэйри в народных легендах, нет числа, равно как и местным сюжетам, связанным с волшебным народом. Фэйри поразительно разнообразны: от крошечных портунов, которые упоминаются в старинных английских рукописях, до ирландских сидов, ростом не уступающих человеку; от скромных прусских барстуков, живущих под корнями деревьев, до изысканных дам при французском дворе фей; от одиноких урисков, обитающих по берегам шотландских озер, до развеселых итальянских сальванелли; от русских домовых, хранителей очага, до зловредных армянских алы. Фэйри прелестны и ужасны, обворожительны и несносны; их трудно отыскать – и от них невозможно избавиться. Они непрерывно меняют обличья от страны к стране, от сказки к сказке: не успели мы и глазом моргнуть, как они уже превратились во что-то новое.

Задумав эту книгу о наших Добрых соседях, мы попросили некоторых своих любимых писателей отправиться в Сумеречный мир (как называли Страну фей в старину) и принести оттуда истории о фэйри и злосчастных смертных, которых угораздило встретиться им на пути. «Только никаких малюток с мотыльковыми крылышками! – напутствовали мы своих посланцев. – Читайте старые сказки, идите дальше, ищите потайные, неизбитые тропы. Принесите нам истории о фэйри из далекого прошлого – и о том, как эти фэйри чувствуют себя в наши дни. Давайте посмотрим, как устроился волшебный народ в современном мире».

---

¹ Preface copyright © Ellen Datlow and Terri Windling, 2004. Блейз А. И., перевод с англ., © 2018.

Все, что удалось добыть нашим путешественникам в царстве легенд и мифов, вы найдете в рассказах и стихотворениях, собранных в этой книге, – в историях о подменышах и ундилах, о тэнгу, о дубовике, о волшебных лисах и прочих оборотнях. В историях о феях-чаровницах, об эльфах-соблазнителях и – да-да! – даже о фее Колокольчик.

В одной старинной кельтской сказке (и народной балладе на тот же сюжет) влюбленный Король эльфов похищает и уносит под землю смертную королеву, а ее муж, король Орфео, отправляется в Страну фэйри, чтобы вернуть жену. Отпустив своих рыцарей и лучников и сменив богатые одежды на лохмотья, Орфео приходит ко двору фэйри под видом бедного арфиста и предлагает развлечь Короля эльфов музыкой. Сначала он играет веселую песню, потом – такую печальную, что весь двор обливается слезами. И, наконец, он принимается наигрывать «Пляску фэйри» – такую жизнерадостную и захватывающую, что даже сам Король эльфов, не утерпев, пускается в пляс. Когда затихает последняя нота, Король эльфов предлагает арфисту самому выбрать себе награду. «Чего ты желаешь больше всего на свете? – спрашивает он. – Золота? Серебра? Или, быть может, славы?» Но тут смиренный музыкант расправляет плечи и открывает свое настоящее имя. Он – король Орфео. И он не хочет ни богатства, ни славы, а хочет только одного: вернуть свою любимую жену. «Выбери что-нибудь другое!» – в гневе рычит Король эльфов. Но Орфео стоит перед ним молча, не склонив головы, – и эльфийский король, связанный собственным обещанием, вынужден отпустить смертных восвояси.

В этой книге вы найдете и веселые истории, и печальные, и такие же волшебные, как «Пляска фэйри». Пусть они откроют вам двери в Сумеречный мир... и помогут вернуться домой целыми и невредимыми.

Эллен Датлоу и Терри Виндлинг

Введение: Волшебный народ

2

Откуда взялся волшебный народ? Фольклористы и философы, историки, мистики и прочие бились над этим вопросом веками. Откуда взялись фэйри, на самом деле не знает никто (разве только сами фэйри, но они все равно нам не скажут). Знаем мы только то, что сказки о волшебном народе встречаются по всему свету, на всех континентах, и что вера в «сокрытый народ» на удивление широко распространена даже по сей день.

Некоторые исследователи усматривают в сказках о фэйри пережитки языческих верований: фэйри, говорят они, – это боги и богини древности, утратившие свое былое могущество. Другие утверждают, что волшебный народ – это древнее коренное население: мол, туземцы казались завоевателям магическими и сверхъестественными существами. В старину многие полагали, что фэйри – это падшие ангелы, изгнанные с небес, но не настолько испорченные, чтобы угодить прямо в ад. Другие думали, что фэйри – это неприкаянные души детей, умерших некрещеными. Некоторые заявляли, что Бог сотворил волшебный народ наряду с родом человеческим, и находили тому подтверждение в Библии: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора...» (Ин. 10:16). Однако самая распространенная точка зрения, господствующая и в наши дни, заключается в том, что фэйри – это просто-напросто духи природы, такие же древние, как ветер или дождь: олицетворенные проявления живого духа, наполняющего всю органическую материю.

Алхимик Парацельс в XV веке разделил фэйри на четыре группы по четырем стихиям: к стихии воздуха он отнес сильфов, к стихии земли – гномов, к стихии воды – ундин, а к стихии огня – саламандр. Все эти духи, по его словам, состоят из плоти и крови и размножаются так же, как люди, но живут дольше человека и не обладают бессмертной душой. В XVII веке шотландский священник Роберт Керк писал, что фэйри «по природе суть среднее между человеком и ангелом» и что тела у них «легкие и переменчивые, подобные тому, что называют телом астральным; по природе они сродни сгущенному туману и лучше всего видны в сумерках»³.

В XIX веке физиологией волшебного народа всерьез заинтересовались спиритуалисты⁴, разделившие фэйри на два основных типа: духи природы, привязанные к каким-либо объектам на местности (реке, озеру, роще), и духи более высокого порядка, обитающие на астральном плане – между материей и мыслью. В начале XX века теософ⁵ Чарльз У. Ледбитер, воодушевившись дарвиновской теорией эволюции, разработал сложную систему классификации волшебного народа. Он подразделил фэйри, обитающих на астральном плане, на семь уровней. По его убеждению, фэйри были исконным населением Англии, которому пришлось отступить под натиском людей, вторгшихся на Британские острова. Ледбитер составил многоуровневую схему, отражающую эволюцию фэйри. Схема эта начиналась с царства минералов и вела через стихии воды и земли к водорослям, грибам и бактериям. Далее фэйри поднимались по эволюционной лестнице через царство злаков и прочих травянистых растений к пресмыкающимся

---

² “Introduction: The Faeries” copyright © Terri Windling, 2004. Блейз А. И., перевод с англ., © 2018.

³ Из книги Роберта Керка «Тайное содружество эльфов, фавнов и фей» (1691). – *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

⁴ Спиритуализмом называлась практика общения с душами умерших и со сверхъестественными существами при помощи «медиумов-спиритов». Начало этому движению положили три американские девочки, сестры Фокс: в 1848 году они заявили, что могут общаться с душами мертвых, якобы отвечающими на их вопросы стуками по крышке стола. Вскоре «столоверчение» вошло в моду и в Англии, распространившись во всех слоях общества вплоть до королевского двора. Организации спиритуалистов проводили лекционные туры, открывали читальные залы и выпускали собственные газеты, а популярные медиумы обзаводились целыми толпами поклонников.

⁵ Теософия – спиритуалистское и философское движение, основанное мадам Блаватской в конце XIX в. Многие выдающиеся теософы верили в фэйри.

и птицам, морской флоре и фауне и, наконец, развились до состояния духов природы, связанных с той или иной из четырех стихий. Но и на этом эволюция не остановилась: духи природы продолжали развиваться, и некоторые из них поднялись сначала до уровня сильфов, затем – дэвов⁶ и, наконец, ангелов. Ледбитер полагал, что на самой вершине эволюционной лестницы фэйри превратятся в так называемых «солнечных духов» и встанут рука об руку с людьми, которые тоже разовьются до этой стадии в более просвещенную эпоху⁷.

Другой теософ, Эдвард Гарнер, утверждал, что фэйри анатомически родственны бабочкам и состоят из некоего вещества легче газа: потому-то люди (за исключением ясновидящих) и не могут их видеть. Функция фэйри в природе, по его мнению, состоит в том, чтобы служить связующим звеном между растениями и энергией солнца. Он писал: «Рост растения, который мы считаем обычным и неизбежным результатом взаимодействия трех факторов – солнца, семени и почвы, – в действительности был бы невозможен без строителей-фэйри»⁸. Франц Гартманн, доктор медицины, был убежден, что фэйри играют определенную роль в человеческой психологии: «...духи природы обитают не только во внешнем мире, но и внутри нас, – и ни один человек не сможет овладеть собой в совершенстве, если не изучит досконально свою собственную природу и ее обитателей»⁹.

Пока спиритуалисты в своих журналах и лекциях спорили о том, сколько фей умещается на острие иглы или витает на высотах астрального плана, неграмотные крестьяне из всех сил старались не привлекать к себе внимания фэйри. Чтобы отделаться от волшебного народа – отогнать его прочь от дома и домашнего скота, от новорожденных детей и незамужних девушек, – в ход пускали всевозможные амулеты, талисманы и заговоры. Хотя считалось, что иногда фэйри помогают людям, чаще их рассматривали как докучливых существ, чересчур обидчивых и в гневе опасных. Было общеизвестно, что сделки с волшебным народом ненадежны, а сокровища эльфов зачастую несли на себе проклятие. Смертный, случайно забредший в Страну фей, мог остаться там навсегда или вернуться дряхлым стариком, не заметив, как прошло время. Говорили, что фэйри свертывают молоко, губят урожай и вызывают бесплодие у коров; на волшебный народ возлагали вину за болезни и сумасшествие, врожденные уродства и прочие беды непонятного происхождения. Даже добрые фэйри соблюдали какие-то свои правила и запреты, для человека непостижимые, а потому здравый смысл подсказывал, что обходиться с ними следует предельно вежливо и очень, очень осторожно. Многие поверья и сказки предостерегают об опасностях мира фэйри. Никогда не ешь эльфийскую еду, – советуют они, – а не то застрянешь в Волшебной стране навсегда. Не называй фэйри по имени – и ни за что не говори им, как зовут тебя самого. Не заключай с фэйри никаких сделок, не танцуй с ними и не подглядывай за их развлечениями. Если не хочешь, чтобы они тебя похитили, надевай рубашку наизуток и носи с собой что-нибудь железное.

Известно немало сказок о том, как фэйри похищают человеческих детей, чаще всего новорожденных, а иногда и взрослых людей, в особенности повитух и музыкантов. Забрав дитя, они оставляют вместо него в колыбели подменыша. Иногда подменыш – это просто кусок дерева, на который фэйри «навели чары», чтобы он выглядел как ребенок. В других случаях фэйри подкидывают на место здорового человеческого ребенка своего собственного детеныша, хилого и болезненного, а иногда роль подменыша выполняет какой-нибудь сварливый старичок из волшебного народа. Ребенка, которого унесли в Страну фей, некоторое время будут ласкать и баловать – пока он не надоест. После этого фэйри его прогонят (и человек будет тосковать по

⁶ В индуизме дэвами называются божественные существа; теософы заимствовали это понятие, истолковав дэвов как сияющих небесных существ, которые стоят на ступень ниже ангелов и могут быть как добрыми, так и злыми или нейтральными. – *Примеч. перев.*

⁷ Из книги Чарльза У. Ледбитера «Скрытая сторона вещей» (1913).

⁸ Цит. по книге Артура Конана Дойла «Пришествие фей» (1922).

⁹ Из статьи «Заметки о духах природы», опубликованной в журнале «Оккалт Ревью» (1911).

ним до конца своих дней) или сделают своим рабом (и он будет служить волшебному народу, пока не умрет). Некоторые утверждают, что раз в семь лет фэйри должны выплачивать кровавый оброк аду и что смертных они похищают для того, чтобы не приносить в жертву кого-то из волшебного народа. В одной старинной сказке такой жертвой едва не стал рыцарь Тэм Лин, но его спасла смертная возлюбленная: в канун Дня всех святых она сумела перехитрить Королеву фей и заставила ее отпустить Тэм Лина.

Среди фэйри встречаются прекрасные, соблазнительные создания – но горе тому, кто ищет их поцелуев! Любовные связи с фэйри редко приносят людям счастье. Широко известна шотландская легенда о Томасе-Рифмаче – арфисте, который поцеловал Королеву эльфов под деревом на Эйлдонском холме. За один этот поцелуй ему пришлось отслужить в Волшебной стране семь лет. И Томасу еще повезло: многие парни и девушки, которые повстречали в сумерках пленительных красавиц или сладкоречивых незнакомцев и отдавали им свое сердце, вскоре умирали, сраженные неведомой болезнью. Иногда фэйри сочетаются браком со смертными, но, как правило, и эти истории кончаются плохо – будь то для женщины, вышедшей замуж для эльфа, или для мужчины, взявшего себе жену из фэйри. Ирландские тюлени-оборотни всегда покидают своих смертных мужей и жен, возвращаясь в море, а японские оборотни-лисы крадут у своих мужей жизненную силу. Дети, которые рождаются от таких союзов, обычно растут одинокими и печальными: в них слишком много человеческого для жизни в Волшебной стране и слишком много сверхъестественного для жизни среди людей.

В некоторых традициях проводится четкое различие между добрыми и злыми фэйри – иначе говоря, между теми, которые благосклонны к людям, и теми, которые стремятся причинить нам вред. В шотландском фольклоре добрые фэйри собираются при Благом дворе, а злые – при Неблагом, которым правит темная королева Никнивин. В древних скандинавских мифах льёссальвы (светлые эльфы) изображаются как величественные и милосердные создания, обитающие в небесном мире под названием Альвхейм, а дёккальвы (темные эльфы) – как подземные жители, внушающие ужас и страх. Но есть и другие традиции, согласно которым всякий фэйри бывает то добрым, то злым – в зависимости от обстоятельств или по собственной прихоти. Нередко фэйри описывают как существ аморальных – не имморальных (безнравственных), а просто не имеющих никакого понятия о морали, чуждых человеческим представлениям о добре и зле.

Выдающаяся английская фольклористка Кэтрин Бриггз избегала определений «добрые» и «злые», предпочитая подразделять фэйри на «одиноких» и «строевых». Она отмечала, что в обеих этих категориях встречаются фэйри, которые «могут творить зло – убивать или поражать болезнью всякого встречного, как шотландские слуа; похищать рожениц, давно не ходивших в церковь, или некрещеных младенцев, подкидывая вместо них поленья, одушевленные колдовством, или своих собственных хворых детишек, – а могут и оказаться безвредными или даже полезными – как духи плодородия, помогающие распускаться цветам или приносящие удачу домашнему скоту и детям». Одинокие фэйри обычно связаны с какой-то определенной местностью – болотом, озером, корнями дерева, каким-нибудь конкретным холмом или домом. Строевые фэйри, в отличие от одиноких, общительны и непоседливы, а их любимые занятия – охота, пиры, танцы и приемы при дворе. «В особенности это верно, пожалуй, для Британских островов, – пишет Бриггз, – хотя и во Франции, в Италии, Скандинавии и Германии рассказывают такие же сказки о балах, пирах и кавалькадах волшебного народа»¹⁰.

Другие фольклористы – вслед за Парацельсом с его системой подразделения духов на земляных, воздушных, водяных и огненных – классифицируют фэйри не по особенностям характера, а по принадлежности к той или иной стихии. Фэйри, связанные с землей, встречаются в сказках разных народов чаще всего. Они живут в пещерах, полых холмах и глубоко под

---

¹⁰ Из книги Кэтрин Бриггс «Исчезающий народ: предания и легенды о фэйри» (1978).

землей и нередко очень искусны в работе с драгоценными металлами. К этой категории относятся коблинау, обитающие в холмах Уэльса, индийские гандхарвы, эрдлюитлы из Северной Италии, финские маанвэки, норвежские труссеры, польские карзалеки, исландские илли, всевозможные карлики-кузнецы из древнескандинавской мифологии и ганы из легенд индейского племени апачей. С землей ассоциируются также лесные и древесные духи – скрытные азиы из Западной Африки, му из Папуа – Новой Гвинеи, китайские шиньсинь, итальянские сильваны, британские дубовики, шведские скогсры, бирманские куляки, малайские ханту-хутан, индонезийские бела, пату-пайярехе из преданий маори и маниту из поверий канадских алгонкинов. Некоторые земляные фэйри охраняют стоячие камни (как бретонский куриль – крошечный фэйри с перепончатыми лапами) или обитают в песках пустынь (как аравийский аль-аль-траб).

К числу фэйри, связанных с воздушной стихией, относятся всевозможные крылатые эльфы и сильфы, а также духи, обитающие в небесах. В самых древних преданиях о волшебном народе воздушные фэйри фигурируют реже, чем земляные, но современные иллюстраторы и авторы детских книг предпочитают их всем остальным типам фэйри. Примеры этой категории – сияющие ирландские сульты, «звездный народ» алгонкинов, полинезийские атуа, льёссальвы из скандинавских мифов и пери из персидских легенд, спящие на облаках и питающиеся ароматами. Со стихией воздуха связаны и фэйри, отвечающие за погодные явления – например, мистральи, бури или смерчи. Таковы корнуольские спригганы, славонские вилы, сербские и хорватские винтоаселе, румынские русали и озорные итальянские фоллетти.

Самые известные из огненных фэйри – саламандры, духи огня, которых высоко чтили алхимики эпохи Возрождения. Кроме того, с огнем связаны джинны – коварные духи из персидских сказок и дрейки (или дракены, огненные фэйри из фольклора Британии и других стран Западной Европы), которые выглядят как стремительно летящие огненные шары и пахнут тухлыми яйцами. Блуждающие огоньки, что сбивают путников с дороги и заводят в трясины, – еще одна разновидность духов огня: эллильданы водятся в топях Уэльса, тине ши – на Гебридских островах, спанки – на юго-западе Англии, фу буланже – на островах пролива Ла-Манш, канделы – на Сардинии, фоуки фатуи – в Северной Италии. Со стихией огня ассоциируются и фэйри, хранящие домашний очаг, – такие как литовская габия и французский натру-месье. В древних египетских сказках упоминаются музайяра – соблазнительные огненные фэйри, а в японском фольклоре – огненные духи акаму, очень опасные.

Водяные фэйри подразделяются на морских и пресноводных. К морским относятся всевозможные ундины и тритоны, тюлени-оборотни и сирены разного рода, включая западноевропейских селки, шотландских дине мара и финфольков, ирландских мерроу, греческих nereid, скандинавских хаффру, французских маль-де-мер и бретонских гроах-вор. Пресноводные фэйри обитают в реках и озерах, прудах и родниках, на болотах и топях, а некоторые – повсюду, где только найдется пресная вода. Как это свойственно фэйри вообще, одни из них добры и милосердны, а другие – необыкновенно коварны. К их числу принадлежат опасные никсы и келпи, что водятся в реках Англии, драки из реки Сены, что во Франции, немецкие меревипер – водяные девы Дуная, армянские хотот, македонские юди, лапландские какке-хальде, бельгийские клудде, индийские джалпари, итальянские мании, ирландские фуат, ламинаки из фольклора басков, японские каппы, сладкоголосые эстонские накки и застенчивые шведские нокки, которых можно увидеть только в вечерних сумерках или на рассвете.

* * *

Итак, фэйри известны по всему миру (как явствует из этих кратких перечней), но нигде они не встречаются в таком разнообразии и не распространены так широко, как на Британских островах. И, вероятно, именно поэтому они так часто фигурируют в английской литературе. Фэйри встречаются уже во многих рыцарских романах Средневековья (хотя обычно называ-

ются там по-другому: сам термин «фэйри» появился относительно поздно). Эти старинные истории полны упоминаний о сверхъестественных существах, которые владеют магией, обитают в заколдованных местах, куют волшебное оружие и соблазняют или околдовывают простодушных смертных. Одна из таких созданий – знаменитая Владычица Озера, от которой король Артур получил свой магический меч Экскалибур. В сказаниях о короле Артуре и рыцарях Круглого стола фэйри и подобные им существа встречаются буквально на каждом шагу, особенно в тех легендах, которые относятся к валлийской и бретонской традициям (например, в великолепных «Лэ Марии Французской», написанных при англо-нормандском дворе в XII веке). В «Кентерберийских рассказах» Чосера (XIV век) Батская ткачиха с грустью говорит о королеве фей и ее веселой свите времен короля Артура, когда «по всей стране звучало эльфов пенье», – и противопоставляет те давние времена нынешним, когда «эльфов не увидит уж никто»¹¹.

Французский рыцарский роман XIII века «Гуон Бордоский» пользовался большой популярностью среди английских читателей. Эта фантастическая история о короле Обероне, королеве Маб и рыцарях эльфийского двора прославилась как источник вдохновения для тех пьес Уильяма Шекспира, в которых действуют фэйри. Шекспир, по-видимому, был хорошо знаком и с английским фольклором, из которого во многом заимствованы портреты эльфов и стихийных духов, враждующих между собой, строящих козни и резвящихся в его «Буре» и «Сне в летнюю ночь». Эти два произведения, наряду со знаменитым монологом Меркуцио из «Ромео и Джульетты», где речь идет о «королеве Маб», – самые знаменитые и влиятельные образцы английской литературы о фэйри. И в этом – причина, по которой крохотные фэйри, размером «с камушек агата в кольце у мэра»¹², в наши дни куда более известны, чем их собратья ростом с человека, действующие во многих более древних историях. Разумеется, фэйри фигурируют и в поэме Эдмунда Спенсера «Королева фей», написанной в конце XVI века, – но спенсеровский двор фэйри заимствован, скорее, из итальянских романов, чем из местных, британских легенд.

В XVII веке преданиями о фэйри вдохновлялся Майкл Дрейтон: в его сатирической поэме «Нимфида, или двор фей» действуют король Оберон, королева Маб и незадачливый эльфийский рыцарь Пигвиггин. В поэтическом сборнике Роберта Геррика «Геспериды» (середина XVII века) Оберон тоже изображен в сатирическом ключе, но Страна фей предстает более темной и чувственной, чем у Дрейтона. В XVIII веке фэйри вновь дают о себе знать – не только явно, в эпической поэме Александра Поупа «Похищение локона», но и косвенно, в великой сатире Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера»: создавая мир лилипутов, Свифт использовал многие традиционные представления об эльфах и феях.

В том же столетии епископ Томас Перси начал собирать старинные народные баллады, которые затем опубликовал в сборнике «Реликвии древней английской поэзии». Если бы не Перси, многие образцы народной поэзии, вероятно, были бы утрачены для нас навсегда: например, ему удалось спасти ценную рукопись, которую один фермер уже собирался пустить на растопку. Труды Перси оказали большое влияние на немецких романтиков, которые, в свою очередь, вдохновили таких видных деятелей английского романтизма, как Сэмюел Тейлор Кольридж, Роберт Саути, Перси Биши Шелли и Джон Китс. Все эти поэты воспевали фэйри в своих стихах, примерами чему служат такие известные стихотворения Китса, как «Ламия» и «La Belle Dame Sans Merci» («Прекрасная безжалостная дама»). К концу XVIII века о феях и эльфах писали уже многие и многие поэты и прозаики, такие как Том Мур, Томас Худ, Аллан Каннингем и, в особенности, Джеймс Хогг по прозвищу «Эттрикский пастух». Большую часть жизни Хогг действительно работал пастухом, но при этом сочинял стихи и сказки, основанные на шотландских народных легендах.

¹¹ Пер. И. Кашкина и О. Румера. – *Примеч. перев.*

¹² У. Шекспир, «Ромео и Джульетта», акт I, сцена 4, пер. Б. Пастернака. – *Примеч. перев.*

Друг Джеймса Хогга, шотландец Вальтер Скотт, тоже был одним из тех писателей, которые испытали влияние баллад, собранных епископом Томасом Перси. Романы Скотта полны отсылок к шотландским преданиям о фэйри, и сам он сыграл важную роль в движении фольклористов начала XIX века. В его сборник «Песни шотландской границы», наглядно доказавший многим читателям ценность шотландского народного наследия, вошли такие знаменитые баллады об эльфах, как «Томас-Рифмач» и «Тэм Лин». Кроме того, Скотт возглавил группу поэтов и любителей старины, поставивших своей целью сохранить деревенские поверья и легенды, которые оказались на грани исчезновения из-за стремительной урбанизации страны. Изю всех сказок и баллад Скотт больше всего любил те, в которых речь шла о волшебном народе: в юные годы он был убежден, что фэйри существуют на самом деле, и, по большому счету, до самой смерти не утратил веры в «то, что оку смертному не зримо»¹³.

Влиянию Скотта отчасти обязаны два обширных собрания «эльфийского» фольклора, увидевшие свет в начале XIX века: «Мифология волшебного народа» Томаса Кейтли и «Легенды и предания об эльфах, собранные на юге Ирландии» Томаса Крофтона. Они оказались невероятно популярны и повлекли за собой настоящую лавину литературы, посвященной народным преданиям и сказкам: за сборниками Кейтли и Крофтона последовали книги преподобного Сабина Бэринг-Гулда, Анны Элизы Брэй, Джозефа Джейкобса и многих, многих других. Фольклор в те времена был еще новой, малоизведанной областью (достаточно сказать, что сам этот термин появился только в 1846 году), так что подобные книги вызывали большой интерес и жаркие обсуждения среди викторианских писателей и художников. Вдобавок, в английских журналах того периода часто печатались волшебные сказки и стихотворения немецких романтиков, тоже влюбленных в народные легенды, – Иоганна Вольфганга фон Гёте, Людвиг Тика, Новалиса и прочих. Особенно очаровала викторианских читателей повесть «Ундина» немецкого писателя Фридриха де ла Мотта Фуке – история морской деви, полюбившей земного рыцаря и возмечтавшей обрести бессмертную душу. Под влиянием «Ундины» появилось множество сказок, картин и пьес, трактовавших на все лады тему роковой любви между смертными и фэйри (в том числе – знаменитая «Русалочка» датского писателя Ганса Христиана Андерсена). Подобные сюжеты находили живой отклик у читателей, увлекавшихся оккультизмом, – а таковых появилось немало, как только пришедший из-за океана спиритуализм завоевал умы и сердца англичан. Все эти факторы в совокупности подняли могучую волну интереса к фэйри, не знавшую себе равных за всю историю Британии. Никогда еще волшебный народ не пользовался такой популярностью среди всех сословий, от рабочих до аристократов, – и никогда еще ему не отводилось такое важное место во всех формах искусства.

В изобразительном искусстве усилиями художников, шедших по стопам Иоганна Генриха Фюссли и Уильяма Блейка¹⁴, – таких, как Джозеф Ноэль Пейтон, Джон Анстер Фицджеральд, Ричард Дадд, Ричард Дойл, Дэниел Маклис, Томас Хизерли, Элеанора Фортескью-Брикдейл и многие другие, – возник целый жанр викторианской сказочной живописи, образцы которой украшали собой престижные галереи и выставки Королевской академии искусств. Это была живопись для взрослых, не для детей. Например, многие полотна Джона Анстера Фицджеральда полны мрачных, галлюцинаторных образов и аллюзий на опиумные кальяны и препараты опиума¹⁵. Сказочные картины Ричарда Дадда, чья страсть к прорисовке деталей граничила с одержимостью, были созданы в лечебнице для душевнобольных: художника поместили туда

¹³ Цитата из стихотворения Дж. Мильтона «Свет». – *Примеч. перев.*

¹⁴ Художник и поэт Уильям Блейк не сомневался в существовании эльфов и утверждал, что однажды стал свидетелем эльфийских похорон.

¹⁵ Производные опиума, такие как лауданум (прозванный «аспирином XIX века»), в Англии времен королевы Виктории продавались без рецепта врача и были популярными средствами от бессонницы, головной боли и «женских неприятностей». Быть может, это вовсе не случайность, что повальное увлечение фэйри и спиритуализмом пришлось на тот же период, что и массовое бытовое употребление опиума.

принудительно, после того как он в припадке безумия убил собственного отца. Нередко фэйри изображались подчеркнuto сладострастными, как на гигантских полотнах Джозефа Ноэля Пейтона, где обольстительные эльфийские девы щеголяют полуодетыми, а то и вовсе нагими. Жанр сказочной живописи давал викторианским художникам возможность безнаказанно обращаться к теме сексуальности в те самые годы, когда в светском обществе эта тема была под самым строгим запретом. Нагота на картинах становилась приемлемой, если ее дополняли прозрачные крылышки.

Страсть к волшебному народу, охватившая взрослое население Британии в викторианскую эпоху, отчасти объясняется и теми бурными переменами, которые влекла за собой промышленная революция. Страна расставалась со своим сельским прошлым и мчалась навстречу механизированному будущему. Огромные участки сельской местности приходили в упадок из-за строительства заводов и деградации пригородных зон, и в этом контексте сказочная живопись и книги об эльфах питали чувство ностальгии по уходящему навсегда пасторальному образу жизни. Искусство прерафаэлитов с его фантазиями о Средневековье и эстетикой высокого индивидуального мастерства служило противовесом бездушному новому миру, порожденному современными формами массового производства. («На каждый локомотив, который вы построите, я нарисую очередного ангела!» – поклялся Эдвард Берн-Джонс.) Движение «искусств и ремесел», выросшее на почве прерафаэлитских ценностей, эксплуатировало фольклорные темы и образы фэйри так широко, что к концу XIX века эльфов и фей уже можно было встретить в любом мало-мальски состоятельном доме: изображения волшебного народа красовались на обоях и драпировках, керамике, витражах, художественной ковке и так далее. Благодаря новым типографским методам стали появляться великолепно иллюстрированные книги волшебных сказок, формально предназначенные для детей, но, судя по затратам на производство, ориентированные, скорее, на взыскательный вкус взрослого читателя (и на растущее племя книголюбов-коллекционеров). Замечательные иллюстрации для этих изданий создавали Артур Рэкем, Эдмунд Дюлак, Уорик Гобл, братья Робинсон, Джесси М. Кинг и многие другие выдающиеся художники. Джесси М. Кинг, подобно Уильяму Блейку, всей душой верила в фэйри. Ее прелестные иллюстрации основывались, по собственным ее словам, на тех визионерских картинах, которые открывались ей с помощью «третьего глаза».

В викторианском мире, еще не знавшем кинематографа и телевидения, театр, балет и опера занимали гораздо более важное место в сфере массовых развлечений, чем сегодня, – и оказывали гораздо большее влияние на изобразительное искусство и литературу. В 30-е годы XIX века лондонская публика с восторгом встречала новый романтический балет (пришедший на смену формальному, классическому), представлявший зрителю драматизированные истории любви между смертными и духами-фэйри. Благодаря таким нововведениям, как танцы «на пальцах» (на пуантах) и усовершенствованные методы газового освещения, на сцене научились воссоздавать великолепные подобию Волшебной страны, обеспечившие, в частности, колоссальный успех балета «Сильфида» на сюжет о трагической любви эльфийской девы к смертному юноше. Театральные постановки волшебных сказок сопровождались изощренными спецэффектами, и каждый очередной спектакль стремился превзойти зрелищностью все предшествующие.

Массовую популярность приобрела и музыка на темы, связанные с фэйри. Ее писали по большей части немецкие композиторы: достаточно упомянуть оперу Вебера «Оберон», «Ундины» Гофмана (по мотивам «Ундины» Фуке), «Фей» Вагнера и увертюру Мендельсона «Сон в летнюю ночь». Харизматичные музыканты, сочинявшие и исполнявшие «музыку фей» для арфы, под стать сегодняшним поп-звездам собирали вокруг себя толпы очарованных поклонниц, не пропускавших ни одного концерта. Своей вершины это музыкальное направление достигло в творчестве Чайковского, великого русского композитора, в одночасье покорившего Лондон (а с ним и всю Европу). Его сказочные балеты («Лебединое озеро», «Спящая

красавица» и «Щелкунчик») нашли живейший отклик в сердцах викторианской публики, обожавшей всё, что связано с эльфами и волшебством.

В художественной литературе викторианской и эдвардианской эпох фэйри тоже завоевали себе видное место. Некоторые книги о волшебном народе были рассчитаны на взрослого читателя – такие как «Волшебные сказки для взрослых» Энн Теккерей, «Королевские идиллии» Теннисона и стихотворения Уильяма Морриса, основанные на легендах о короле Артуре, а также более поздняя, рубежа XIX–XX веков, превосходная поэзия в духе «кельтских сумерек», которую сочиняли Уильям Батлер Йейтс и Уильям Шарп (писавший под псевдонимом «Фиона Маклауд»). Но еще с начала XIX века набирала силу новая тенденция: с каждым десятилетием появлялось все больше и больше сказочной литературы, предназначенной для детей.

Викторианская эпоха романтизировала до предела саму идею «детства». До тех пор история не знала ничего подобного: четкой границы между детством и взрослой жизнью попросту не существовало. Считалось, что ребенок рождается во грехе и нуждается в строгой дисциплине, чтобы стать цивилизованным и богобоязненным членом общества. Но во времена королевы Виктории на смену этому убеждению пришло прямо противоположное: стали полагать, что ребенок от природы невинен, а детство было переосмыслено как некий золотой век, блаженная пора фантазий, игр и новых открытий, которыми наслаждаются те, кто еще не обременен обязанностями взрослого. Матерей поощряли окружать своих чад неотступной заботой и лаской (по примеру самой королевы Виктории) – и все это в сочетании с ростом благосостояния среднего класса повлекло за собой бурное развитие рынка детской литературы.

Детская литература XVIII века была чудовищно скучной: основную ее долю составляли благочестивые назидательные книжки. Но уже к началу XIX столетия английские дети и их родители узнали и полюбили собрания сказок братьев Гримм и Ганса Христиана Андерсена. Издатели и писатели обратили на это внимание, и вскоре стали появляться сборники волшебных сказок, действие которых происходило на Британских островах. В их числе были и старинные местные предания о волшебном народе, адаптированные к детскому восприятию, упрощенные и очищенные от всяких намеков на секс. Некоторые авторы не ограничивались пересказами традиционных сюжетов и создавали новые волшебные сказки для детей, находя очаровательное и оригинальное применение различным фольклорным мотивам. В числе таких сказок – «Король Золотой реки» Джона Рескина, «История Мальчика-с-пальчик» Шарлотты Йонг, великолепный «Рынок гоблинов» Кристины Россетти, «Дети воды» Чарльза Кингсли, «Фея Мопса» Джин Ингеллоу, «Принцесса и гоблин» Джорджа Макдональда, «Пак с Волшебных холмов» Редьярда Киплинга и «Питер Пэн в Кенсингтонском саду» Дж. М. Барри.

Фольклорист Джек Зайпс в своей замечательной книге «Викторианские волшебные сказки» подразделяет детскую литературу, опубликованную с 1860 года, на два основных типа: «традиционную» и «утопическую». Среди «традиционных» сказок иногда попадались хорошие (наподобие повестей Джин Ингеллоу и рассказов о привидениях, которые сочиняла Мэри Луиза Моулсворт), но в большинстве своем это были слащавые истории-однодневки о феях, усыпанных волшебной пылью и порхающих на мотыльковых крылышках, и о послушных маленьких мальчиках и девочках, не причиняющих никому хлопот. «Утопические» сказки-фантазии, напротив, служили примерами «глубокой веры в могучую силу воображения»¹⁶, способную преобразить английское общество. Джордж Макдональд, Льюис Кэрролл, Оскар Уайльд, Лоуренс Хаусман, Форд Мэдокс Форд, Эдит Несбит (в поздний период своего творчества) и многие другие выдающиеся писатели создавали поистине магические сказки, которые играли исключительно важную роль в культуре викторианского общества, открывая перспективы для новой, лучшей жизни. Популярность утопических фантазий легко объясняется породившим их культурным контекстом: бурная индустриализация влекла за собой гран-

---

¹⁶ Джек Зайпс, «Викторианские волшебные сказки».

диозные общественные потрясения. Феи порхали по сценам лондонских театров и гнездились в буколических пейзажах на стенах художественных галерей, но стоило только выйти на городские улицы, как дорога до Неверлэнда становилась длиною в тысячи миль. На улицах этих кишели нищие и калеки, проститутки (в том числе малолетние) и бездомные, отчаявшиеся люди, не нашедшие себе места под солнцем в изменившемся мире.

Пока высшие классы восхищались иллюстрированными книжками об эльфах и танцующими нимфами, пока дети богачей хлопали в ладоши, чтобы вернуть к жизни фею Динь-Динь, для простого народа, сельского и городского, фэйри оставались олицетворением смертельной опасности. Об изящных крылатых девах, созданных искусством художников и танцовщиц, здесь и речи не шло: в народной традиции по-прежнему царили древние жители холмов, внушающие ужас и трепет. На протяжении всего XIX века британские газеты то и дело сообщали о встречах с эльфами, об эльфийских проклятиях и о людях, похищенных волшебным народом. Самый знаменитый из подобных случаев, произошедший уже под конец XIX века, в 1895 году, приковал к себе всеобщее внимание. Газеты сообщили о гибели молодой ирландки Бриджит Клири: родные и соседи убили ее, приняв за эльфийского подменюша. Все началось с того, что Бриджит тяжело заболела, и ее семья обратилась к знахарю. Тот заявил, что молодую женщину похитили и забрали под волшебный холм, а вместо нее оставили хворое эльфийское отродье, чарами придав ему сходство с Бриджит. Чтобы заставить подменюша открыться, сказал знахарь, нужно подвергнуть его нескольким испытаниям, – и эти испытания оказались настолько суровыми, что бедняжка Бриджит умерла. Майкл Клири, муж покойной, убежденный в том, что они убили подменюша, отправился к форту фэйри и принялся ждать свою «настоящую» жену: знахарь пообещал ему, что та выедет из-под холма верхом на белоснежной лошади. Исчезновение Бриджит вскоре заметили, тело нашли, ужасное преступление вышло на свет, и Майкла вместе с другими родными и соседями убитой привлекли к суду. И этот вопиющий случай был далеко не единственным: в газетах викторианской эпохи регулярно появлялись заметки о жестоком обращении с людьми, которых по ошибке принимали за фэйри. Обычно жертвами становились маленькие дети, родившиеся с физическими изъянами или пораженные внезапной изнурительной болезнью. Только в XX столетии поток сообщений о людях, похищенных эльфами, начал иссякать – когда на смену пришли слухи о людях, похищенных инопланетянами.

Последняя «встреча с фэйри», сообщение о которой было широко растиражировано британской прессой, произошла в тихой йоркширской деревушке Коттингли в 1917 году, когда шестнадцатилетняя Элси Райт и ее десятилетняя двоюродная сестра Френсис Гриффитс сделали у себя в саду поддельные фотоснимки резвящихся фей. Мать Элси отослала фотографии Эдварду Гарднеру, главе Теософского общества, а тот передал их сэру Артуру Конану Дойлу (создателю Шерлока Холмса)¹⁷. По современным стандартам эти фотографии не очень убедительны, но в те времена даже профессионалы не смогли обнаружить признаков подделки. Конан Дойл опубликовал фотографии, сочтя их подлинными, и феи из Коттингли произвели бурную сенсацию, поддержав уже начавшую было угасать моду на фэйри. Только на склоне лет, в 80-х годах XX века, Элси и Френсис признались, что феи на их фотоснимках в действительности были вырезаны из бумаги и закреплены в нужных позах шляпными булавками. Однако еще позднее, уже на смертном одре, обе кузины высказались не столь определенно, намекнув, что если не фотографии, то, по крайней мере, сами феи все-таки были настоящими.

Кэрол Силвер в своей захватывающей книге «Странные и тайные народы: фэйри и викторианское сознание» отмечает, что случай с феями из Коттингли оживил интерес к волшеб-

¹⁷ Сэр Артур Конан Дойл был сыном художника Чарльза Дойла, который, подобно Ричарду Дадду, рисовал фэйри и был помещен в психиатрическую лечебницу. Образы для своих картин он черпал из личных видений. Еще один художник, рисовавший фэйри, Ричард Дойл, был, по воспоминаниям современников, человеком трезвомыслящим и приятным в общении. Артуру Конану Дойлу он приходился дядей.

ному народу лишь ненадолго, а в более отдаленной перспективе, наоборот, стал одним из факторов, положивших конец «золотому веку» фэйри в искусстве и литературе. «Как ни странно, – пишет она, – фотографии, по всей видимости доказывавшие реальное существование фей, на деле лишили волшебный народ его былого величия и престижа <...> Теории, которые Гарднер разработал в попытках объяснить природу и функции фэйри, низвели последних до уровня домашних животных по интеллекту и до уровня насекомых – по физическим размерам».

Вдобавок, массовая популярность, которой пользовались фэйри на протяжении XIX столетия, автоматически означала, что последующие поколения сочтут их старомодными. Тем, кто пережил тяготы Первой мировой войны, не было дела до средневековых фантазий и сказок о феях, которыми развлекались их бабушки и дедушки. И все же стоит отметить, что на одной из самых популярных репродукций военного времени изображался простой деревенский мальчик, играющий на свирели в окружении фей. Эта милая картина англо-итальянской художницы Эстеллы Канциани называлась «Дудочник грез» и в те годы была такой же общеизвестной, как в наши дни – «Кувшинки» Моне. Сейчас она практически забыта, но в свое время соперничала в популярности со «Светом мира» Уильяма Холмана Ханта и, как говорят, пользовалась большой любовью среди солдат в окопах Первой мировой.

В середине XX века фэйри как будто вновь ушли под холмы и редко покидали свое Сумеречное королевство ради мира людей (если не считать тех приторно-сладких феечек, которые появлялись на иллюстрациях к детским книгам и в мультфильмах Диснея). Если как следует поискать, кое-где их все еще можно было обнаружить – например, в Ирландии, в сочинениях Джеймса Стивенса и лорда Дансейни. Но в массовое искусство фэйри так и не возвращались... до тех пор, пока один оксфордский профессор, некто Дж. Р. Р. Толкин, не начал писать об эльфах, населяющих мир Средиземья. Но уж тогда-то они вернулись и взяли свое сторицей!

Профессор Толкин был специалистом по фольклору, мифологии и древнеанглийской литературе, так что он отлично знал, что делает, когда создавал своих эльфов из «Хоббита» и «Властелина колец». Он спас эльфов из плена диснеевских мультиков и слащавых басенок и возвратил им былое величие, внушительный рост, грозную силу и неземную красоту. Книги Толкина были написаны и опубликованы еще в середине XX века, но только в 70-е годы они, наконец, возглавили списки бестселлеров и стали неотъемлемой частью британской и американской поп-культуры. Это, в свою очередь, вновь пробудило невероятный интерес ко всему магическому, чудесному и волшебному. От эльфов и драконов, единорогов, русалок и чародеев стало буквально некуда деться. Поклонники Толкина зарылись в книги по фольклору и принялись изучать эльфийский язык. «В чем причина этого повального увлечения? – спрашивала Элисон Лурье в статье для «Нью-Йорк ревью оф букс». – Быть может, это побочный эффект того сугубо материалистического и коммерческого мира, в котором мы живем? Следствие того, что в детстве нам не доставало простора для фантазии?»¹⁸ По мнению Лурье, студенты той эпохи набросились на Толкина и фольклор с такой страстью из-за того, что расти им довелось на жидкой каше телепрограмм и диснеевских мультфильмов, а не на великой классике детской литературы. В детстве им «не доставало простора для фантазии», и теперь они компенсировали эту недостачу, «со всем интеллектуальным энтузиазмом, романтическим пылом (и покупательной способностью) восемнадцати- или двадцатилетних завладевая тем вымышленным миром, которого были лишены в восемь или в десять лет». С некоторыми читателями, несомненно, так оно и произошло, но в целом объяснение Лурье не кажется мне удовлетворительным, потому что многие любители Толкина (и я в том числе) на самом деле читали в детстве классическую детскую литературу и вовсе не жаловались на недостаток простора для фантазии в восемь или в десять лет. В действительности Толкин просто доказал нам, что рас-

¹⁸ Из статьи Элисон Лурье «Осторожно, эльфы!», впервые опубликованной в «Нью-Йорк ревью оф букс», а затем вошедшей в превосходный сборник эссе «Только не говорите взрослым! (За что дети любят свои любимые книги)».

ставаться с вымышленными мирами вовсе не обязательно – ни в восемнадцать лет, ни в двадцать восемь, ни в восемьдесят восемь, если уж на то пошло. Возможно, сейчас эта мысль никого не удивит, но в 70-е годы прошлого века она была по-настоящему радикальной. Толкин отринул поствикторианское убеждение в том, что сказки годятся только для детей, и обратился к более давней, многовековой традиции сказок для взрослых – от «Беовульфа» до Уильяма Морриса. Он открыл дверь в Волшебную страну, и читатели увидели, что это не крохотная калитка, в которую пройдет только ребенок, а высокие и широкие ворота, и за ними лежат неизведанные земли, по которым можно странствовать до конца своих дней.

В середине 70-х вышла еще одна книга, заманившая многих взрослых читателей в Сумеречное королевство. Это была энциклопедия «Фэйри», созданная британскими художниками Аланом Ли и Брайаном Фраудом и ставшая международным бестселлером, – в своем роде продолжение энциклопедии «Гномы», которую проиллюстрировал голландский художник Вил Гюйген. Но если на страницах «Гномов» изображались маленькие жизнерадостные существа, не имеющие ничего общего с угрюмыми и коварными гномами-кузнецами европейской народной традиции, то «Фэйри» твердо стояли на почве традиционного фольклора. Фэйри старинных британских легенд представляли здесь во всем своем прекрасном и ужасном величии: порождения плюща, дуба и камня, вышедшие прямо из британской земли, могущественные и дикие, как силы самой природы. Ли и Фрауд черпали вдохновение из викторианской сказочной живописи, но адаптировали эту традицию для нового поколения. Их «Фэйри», в свой черед, вдохновляли молодых художников на протяжении многих лет, и в наши дни нечасто можно встретить такое изображение фэйри (будь то в изобразительном искусстве, литературе или кино), которое в той или иной степени не было бы обязано этой влиятельной энциклопедии.

С середины 70-х и до наших дней появилось еще немало книг о фэйри, включая несколько «полезных определителей» и несравненные исследования фольклористики Кэтрин Бриггз. В области художественной литературы «Властелин колец» положил начало целому новому жанру фэнтези, ориентированному на взрослого читателя, и в результате выросло новое поколение писателей – как в Англии, так и в Северной Америке¹⁹, – обращавшихся в поисках вдохновения к мифологии и фольклору и включавших в свои книги эльфов и фей. Действие этих книг может разворачиваться и в давно минувшие дни, и в Волшебной стране, и в современной городской обстановке. Например, Джон Краули в своем блестящем романе «Маленький, большой» использовал викторианские представления о фэйри, чтобы создать современную сказку, действие которой происходит в Нью-Йорке и его окрестностях. Эллиен Кашнер в романе «Томас-Рифмач», удостоившемся двух престижных премий, проследовала за персонажем старинной шотландской баллады в чертоги Королевы эльфов. Патриция Энн Маккиллип в своей лиричной «Зимней розе» взглянула под новым, необычным углом на балладу о Тэм Лине, которая также легла в основу романа Памелы Дин «Тэм Лин» и повести «Огонь и болиголов»²⁰ Дианы Уинн Джонс. В романе Лизы Голдштейн «О механизмах солнца и луны» фэйри обнаруживаются в кругу драматургов елизаветинского Лондона, а Пол Андерсон («Буря в летнюю ночь») и Сара Хойт («К добру ли эта встреча при луне?») вновь обращаются к образам шекспировских фэйри. В новаторском романе Эммы Булл «Война за дубы» фэйри выходят на музыкальные подмостки Миннеаполиса 80-х, а в повести Чарльза де Линта «Джек,

¹⁹ Некоторые утверждают, будто в Северной Америке никаких фэйри нет, но это совершенная чушь. Северная Америка – это плавильный котел всевозможных историй о фэйри, завезенных иммигрантами из разных стран, пересаженных на новую почву и принесших обильные плоды, в чем-то знакомые и привычные, а в чем-то неожиданные и странные. И в тот же котел угодили легенды североамериканских индейцев, среди которых встречаются сказки о маленьком волшебном народце, обитающем под холмами или в дремучих лесах. Эти существа бывают и добрыми, и злыми, и порой они совсем не прочь подшутить над людьми. Одним словом, это все те же самые фэйри, хотя их и называют по-другому.

²⁰ На русском языке эта сказочная повесть выходила под названием «Рыцарь на золотом коне». – *Примеч. перев.*

Победитель Великанов» – на улицы современного канадского городка. Холли Блэк в цикле «Зачарованная» рассказывает о девушке с побережья Нью-Джерси, оказавшейся эльфийским подменшом, а Мидори Снайдер в повести «Сад Ханны» – об эльфе-скрипаче из ирландского бара на Среднем Западе. И все это – лишь малая часть превосходной литературы о фэйри в жанре фэнтези, написанной за последние десятилетия. Что касается других жанров, то стоит упомянуть рассказы Сильвии Таунсенд Уорнер, которые сначала печатались в американском еженедельнике «Нью-Йоркер», а затем были переизданы в великолепном сборнике «Эльфийские королевства». Легендами о фэйри вдохновлены и многие произведения для детей, такие как «Хранительница народа» Фрэнни Биллингсли, «Волшебный флаг» Джейн Йолен и романы-лауреаты премии «Ньюбери» «Болотное дитя» Элоизы Макгроу и «Крепость погибели» Элизабет Мэри Поуп. Все эти книги я настоятельно рекомендую читателям. (А в конце этой книги вы найдете более обширный список рекомендаций.)

В области изобразительного искусства художник Брайан Фрауд, соавтор энциклопедии «Фэйри», вот уже более четверти века продолжает исследовать Волшебную страну. Он опубликовал множество артбуков (таких, например, как «Добрые фэйри, злые фэйри», «Эльфийский альбом леди Коттингтон» и «Руны Эльфландии») и в результате стал, пожалуй, самым известным в наши дни «портретистом фэйри». В числе других современных мастеров, рискнувших изображать этих изворотливых и неуловимых созданий, – художники Чарльз Весс, Деннис Нолан, Лорен Миллс, Рут Сандерсон, Гэри Липпинкотт, Марья Крейт Ли, Вирджиния Ли, Хейзел Браун, Тони Дитерлицци, Майкл Хаг и Эми Браун; фотографы Энн Геддс, Суза Скалора и Роуан Габриэль; а также скульпторы-кукольницы Венди Фрауд и Бекки Кравец. И этот перечень далеко не полон. Возрождение интереса к викторианской сказочной живописи повлекло за собой организацию влиятельной передвижной выставки, основанной Университетом штата Айова совместно с лондонской Королевской академией в 1997 году. В 2002 году Аббатство Даулас в Бретани представило зрителям грандиозную выставку фэйри в изобразительном искусстве – от иллюминированных рукописей XII века до наших дней. Тем, кто заинтересовался этой темой, я рекомендую обратиться к альбомам «Мастера викторианской сказочной живописи» (текст Джереми Мааса и др.), «Фэйри в викторианской живописи» (Кристофер Вуд) и «Феи, эльфы, драконы и прочие обитатели Волшебной страны» (под редакцией Мишель ле Бри и Клодины Гло).

О феях из Коттингли было снято два фильма: «Волшебная история» и «С феями шутки плохи» (по мотивам романа Стива Шилаги). Фэйри фигурируют также в двух детских фильмах Джима Хенсона, созданных в сотрудничестве с Брайаном Фраудом, – «Темный кристалл» и «Лабиринт». Коллекции «эльфийской моды» можно встретить в витринах нью-йоркских магазинов, на подиумах Парижа и на страницах иллюстрированной книги Дэвида Эллуонда, Юджинии Берд и Дэвида Даунтона «Феереальность: мода Волшебной страны». Традиционные баллады о фэйри, сложенные на Британских островах, в Бретани и Скандинавии, исполняют многие современные фольк-группы и музыканты, в том числе «Steeleye Span», «Pentangle», «Fairport Convention», «Kornog», Мартин Карти, Робин Уильямсон, Джонни Каннингем, «Solas», «Connemara», «Garmarna», Керстин Блодиг, Лорина Маккеннит и Айне Миноуг. Элизабет Джейн Болдри выпустила альбом викторианской сказочной музыки для арфы («Harp of Wild and Dreamlike Strain»).

* * *

Теннисон в своем знаменитом стихотворении «Рога Эльфландии» сетует, что даже отголоски эльфийских охотничьих рожков уже почти не слышны: фэйри покидают леса и поля, отступая под натиском современной жизни. Это была излюбленная тема викторианцев: они полагали, что фэйри уходят из нашего мира и вот-вот исчезнут навсегда. Но, к счастью, вик-

торианцы глубоко заблуждались (насколько я могу судить). На Британских островах, как и в других частях света, всевозможные волшебные племена по-прежнему живут и здравствуют – если возрождение интереса к фэйри в современной популярной культуре можно считать показателем их процветания. В Северной Америке эльфы и феи водятся повсюду: в книгах и на картинах, на футболках и чайных кружках, в магазинах игрушек, в музеях и на радиоволнах. И даже если эльфийские охотничьи рожки действительно умолкли, как полагал Теннисон, – что ж, невелика беда! В наши дни фэйри играют на электрических волынках, и авторы этой книги встречают их в самых неожиданных местах.

Лично я предпочитаю прислушаться не к Теннисону, а к другому поэту – Уильяму Батлеру Йейтсу, который действительно знал кое-что о фэйри, потому что верил в них всю свою жизнь. «Не поднимешь руки, – говорил он, – без того, чтобы повлиять на целые их сонмы, и без того, чтобы они повлияли на тебя». Они и впрямь повсюду. И, боюсь, теперь, когда вы принесли их к себе в дом на страницах этой книги, избавиться от них будет чертовски непросто.

Есть одно известное предание о шотландском домашнем фэйри, таком надоедливом, что люди, жившие с ним под одной крышей, все время пытались от него избавиться – но безуспешно. В конце концов он так их допек, что люди решили переехать в другой дом. Но как только старая крестьянская телега, доверху нагруженная пожитками, покатила по дороге, люди увидели, что фэйри сидит прямоком на этой куче скарба и приговаривает: «Славный денек для переезда!» Люди вздохнули и повернули обратно: стало ясно, что от домовика уже никак не отделаться. Так он и живет в этом доме по сей день, вместе с их потомками.

Точно так же ведут себя фэйри в искусстве и литературе. Мода на них приходит и уходит. Порою кажется, что волшебный народ ушел навсегда, подчинившись критикам, которые то и дело призывают писателей и художников обратиться к более серьезным темам. Но не успеем мы оглянуться, а фэйри уже опять тут как тут – и, ухмыляясь до ушей, приговаривают: «Славный, однако, денек для переезда!» Одним словом, они твердо намерены идти вместе с нами дальше и оставаться рядом во что бы то ни стало.

Терри Виндлинг

Мальчишки с Гусиного холма

21

За деревней – зеленый пригорок,
что зовется Гусиным холмом,
и живет там ватага мальчишек —
погоняет шалун шалуном.
Кто их матушка? – Нежная Малкин,
Роза Майская в белом цвету.
Кто отец им? – Мабонский Охотник
(эге-гей – и ату их, ату!).

Если куры нестись перестали,
и хозяйство пошло вперекос,
кто-то щиплет тебя среди ночи,
а с утра не расчешешь волос,
если суп из котла убегает
или гаснет огонь под котлом, —
всё они, озорные мальчишки,
что живут под Гусиным холмом!

Слышишь, пчелы над вереском вьются
и жужжат, выкликая весну?
Слышишь, камни гудят под ногами,
подпевая костру-ревуну?
То они, шутники и задиры,
эти Паки с навозной горы,
озоруют над нами украдкой —
не во зло, а заради игры.

Веют ветром они над полями,
издалёка приметив жнецов, —
и колосья на поле танцуют
под напевы лукавых мальцов;
скачет заяц для них на пригорке,
на вершине пасется олень,
и для них, сорванцов и буянов,
распевает зарянка – трень-брень!

Им известны все старые песни
и волшебных заклятий чуток,
чтоб туманы сгустить над полями
или выпить луну, как желток, —
захвати с собой камень куриный
и от холода виски глотни,

---

²¹ “The Boys of Goose Hill” by Charles de Lint first appeared in Hedgework and Guessery, Pulphouse Publishing 1991. Copyright © Charles de Lint, 1991. Reprinted by permission of the author. Блейз А. И., перевод с англ., © 2018.

да рубаху надень наизнанку,
коль собрался идти мимо них.

Слава древнему рогу охоты,
от которого пела земля,
слава маю, цветущему маю,
и последним снопам на полях!
Слава, слава Зеленому Мужу,
и Луне в поднебесье ночном,
и веселой ватаге мальчишек,
что живет под Гусиным холмом!

* * *

Чарльз де Линт – писатель, музыкант и фольклорист родом из Нидерландов. Сейчас он живет в Оттаве (Канада) со своей женой Мэри Энн Харрис, художницей и музыкантом. Де Линт – автор множества романов, иллюстрированных новелл и сборников рассказов. В числе его недавних книг²² – *Medicine Road*, *Tapping the Dream Tree*, «Призраки в Сети», «Семь диких сестер» и «Брошенные и забытые». Последние две книги номинировались на Всемирную премию фэнтези и вошли в список финалистов. Кроме того, Чарльз де Линт написал детскую книгу *A Circle of Cats*, проиллюстрированную Чарльзом Вессом, и несколько романов о фэйри («Джек Победитель Великанов», «Отведай лунного света», «Маленькая страна» и *The Wild Wood*).

Подробнее о творчестве де Линта можно узнать на его вебсайте: www.charlesdelint.com.

От автора

Играть музыку я люблю не меньше, чем писать книги. Время от времени мне попадается какая-нибудь песня с отличной мелодией, но на такие слова, которые мне петь не хочется. Так произошло с традиционной ирландской песней *The Meet was at Matthews*, которую я впервые услышал в альбоме 1979 года, записанном Джимми Кроули, исполнителем из графства Корк. Мелодия была очаровательная, но пелось в этой песне всего лишь о вечерней охоте на зайца. Я подумал, что лучше я буду петь о буйной ватаге фэйри, и так на свет появились «Мальчишки с Гусиного холма».

Чарльз де Линт

---

²² Здесь и далее – все данные об авторах и их произведениях актуальны для 2004 года – года публикации антологии на языке оригинала. Для удобства русского читателя в библиографических справках произведения, переведенные на русский язык, приводятся в версии официально опубликованного перевода, все прочие – на языке оригинала. – *Примеч. ред.*

Катнип

23

История, которую я собираюсь рассказать, – это история о фэйри. Да-да, о самых настоящих фэйри, а еще – о том, как человека буквально катапультирует в приключения, стоит только нарушить закон фэйри. Разница только в том, что в сказках о фэйри люди далеко не всегда знают, какой закон они нарушают и почему.

Уж я-то должна была знать... Вообще-то я и знала. Я выросла среди Народа. Они украли меня в возрасте всего пары недель и оставили взамен в колыбельке одного из своих – моим родителям на воспитание. Так что я, в некотором роде, продукт обеих культур, человеческой и фэйриной. Подменьш как он есть.

История моя случилась в Нью-Йорке. Не в том, который на плакатах «Я ♥ Нью-Йорк», а в том, что за ним: в его подвалах и стенах, во всех закоулочках и лазейках его инфраструктуры. Называйте его Нью-Между-Йорком, если хотите, или просто Между-Йорком. Так его зову я. Народ вообще его никак не зовет. Они там просто живут. А меня они кличут Ниф – в детстве еще куда ни шло, но когда ты уже больше не ребенок... в общем, жаль, что они не выбрали что-нибудь не такое тухлое.

Короче, как-то раз – и не так уж давно, по правде, – сидела я себе на Народном Форуме со Снежным Колокольчиком и Ручейком. Болтали мы о мужчинах. Ну, вернее, болтала Ручеек – ее только что бросил селки²⁴, с которым она встречалась, – а мы с Колокольчиком слушали. Снежный Колокольчик – лебедка, в смысле, дева-лебедь, а Ручеек – подменьш вроде меня. Народный Форум – место открытое, там даже вампиров временами встретить можно.

В общем, сидели мы там, попивали нектар, лакомились печеньем и слушали, как Ручеек разоряется по поводу ее селки. Ну, то есть ее экс-селки.

– Мы повздорили насчет того, что я, мол, не понимаю, как это трудно – быть оборотнем, а я возьми да и скажи, что если ему так уж нужно, чтобы я поняла, пусть одолжит мне свою тюленью шкуру, а он...

Колокольчик издала звук – куда более лебединый, чем девичий. Ручеек сердито встряхнула черными косами над овалом лица – а оно у нее цвета корицы.

– Это все он виноват, – проворчала она. – Он свару начал. Говорит, ты мол, просто человек, ты понятия не имеешь, каково это, магии-то у тебя никакой нет. Ну, и я типа всё.

Я фыркнула.

– Можешь повторить это себе еще раз. Как ты вообще могла так сглупить?

Ручеек вздохнула.

– Все дело в любви, наверное. Она заставляет делать глупости.

– А. Любовь. Как будто ты что-то знаешь о любви.

– Уж побольше твоего, – отрезала Ручеек. – У меня уже была куча парней. А ты когда последний раз ходила на свидание?

Тут она меня сделала. Завести личную жизнь подменьшу непросто. Среди Народа не так уж много таких, с кем можно закрутить. Многие с виду страшнее забившейся канализации и охотнее выпотрошат тебя, чем пригласят на танцы. Те, что покрасивее, умеют развлекаться, но у них типа как... темперамент. А с подменьшами подменьши не встречаются. Нет, мы вместе тусуемся, болтаем, дружим даже, но вот встречаться – нет. Я имею в виду, кто пойдет гулять с человеком, когда кругом полно эльфов?

---

²³ “CATNYP” copyright © Delia Sherman, 2004. Осипов И. Г., перевод с англ., © 2018. Общепринятое сокращение для каталога Нью-Йоркской публичной библиотеки. – *Здесь и далее Примеч. перев.*

²⁴ Селки – тюлень-оборотень шотландского фольклора. – *Примеч. перев.*

Снежный Колокольчик вытянула длинную белую шею и по-лебединому встряхнула стройными плечами.

– Кончайте пререкаться, – распорядилась она. – Слушать вас совсем не интересно. Никто из вас двоих понятия не имеет о любви. Вы – люди. Слишком хрупкие, чтобы вынести мощь настоящей страсти. Почувствуй вы хоть на секундочку жар желания, на какое способен малейший из Народа, вы бы обуглились и рассыпались, как подгоревший тост.

– Чуть собачья, – отозвалась я, а Ручеек даже ныть перестала.

– Знаешь, я эту цитату уже раньше слышала и, честно тебе скажу, ни разу не видала тому ни малейших доказательств. Сдается мне, это мы, люди, тут единственные, кто любит, – а вы, красавцы, только жрете нашу любовь. Ложками.

Колокольчик не то чтобы очень крупна собой. Белоснежная кожа, летящие волосы, огромные черные глаза – нежная и мечтательная, как бумажный цветок. Зато нрав у нее крутой и кусается она зло. Я целую минуту думала, что она сейчас на меня набросится, но лебедка в итоге только рассмеялась.

– У меня идея, – сказала она. – Ты докажешь мне, что люди знают о любви больше, чем Народ.

– С чего бы это? – осведомилась я.

– С того, что ты очень скоро убедишься в моей правоте. Я уже предвкушаю твой проигрыш.

– И что если я проиграю?

– Все как обычно, я думаю. Служба сроком на год и один день. У меня уже целую вечность не было человеческой служанки.

– А если я выиграю?

– Не выиграешь. Но если вдруг да – я принесу тебе дар. Любой, какой захочешь. Гений Центрального парка на Балу Солнцестояния нас рассудит, – она изящной волной поднялась на ноги и разгладила свой облегающий черный свитер. – Удачи.

Прежде чем я успела раскрыть рот, чтобы сказать, куда ей пойти со своим тупым пари, она уже выпорхнула за дверь.

– Ты крупно влипла, подруга, – прокомментировала Ручеек.

– Да вот еще, – отмахнулась я. – Нужно только не попадаться ей на глаза какое-то время, и тогда она сама обо всем забудет. Я ведь даже не сказала, что по рукам.

Ручеек выразительно поглядела на меня.

– Да ну тебя, девочка. Ты, что ли, устанавливаешь тут правила? Если скажешь, что вне игры, она все равно получит выигрыш – сама же знаешь!

Ага. Я знала.

– Ты должна мне помочь, Ручеек! – взмолилась я. – Что мне теперь делать?

Она задумчиво посмотрела на меня.

– Я полагаю, ты могла бы попросить о помощи Гения Нью-Йоркской публичной библиотеки. Говорят, он знает вообще все.

– Хорошая идея. Спасибо, Ручеек! Ты просто прелесть.

И вот я вышла с Форума и по междупутям отправилась напрямик в Нью-Йоркскую публичную библиотеку – расспрашивать Гения про любовь.

Правильное название – *genius loci*, хранитель места. Их целая команда, и они – самые что ни на есть нью-йоркские из всего нью-йоркского Народа. Если здание, или парк, или даже улица существует достаточно долго, и люди любят ее и считают важной и нужной – ба-бах! появляется гений места. Как по волшебству. Гений Нью-Йоркской публичной библиотеки не так стар, как, например, Гений Бродвея, и не так могуществен, как Гений Центрального парка, но и он производит впечатление, уж поверьте.

Гений НИПБ говорит на всех языках, на каких в ней только есть книги, и обладает обширными знаниями во всех представленных в коллекции областях – от сельского хозяйства до зоологии. Он может (и будет, если его не остановить) рассуждать на любую тему до бесконечности. Он в некотором роде симпатяга – в таком долговязом, патлатом и близоруком роде – и приятно шелестит на ходу.

– Любовь... – задумчиво промолвил он. – Весьма богатая тема. И опасная. Можно поинтересоваться, почему вы решили заняться вашими изысканиями именно здесь?

– У меня пари с лебединой девой, – просто сказала я. – Я должна доказать, что люди знают о любви больше, чем Народ.

Он вздохнул.

– И как же вы намерены выиграть это ваше... э-э-э... пари?

– Понятия не имею, – честно призналась я. – Думала, я попрошу вас мне помочь.

Он стащил с носа огромные квадратные очки и принялся протирать их белым платком.

– *Primus*²⁵, – сказал он довольно сухо, – будучи сам сверхъестественным существом, я отнюдь не эксперт по человеческой любви. *Secundus*²⁶, я вам не педагог. Я просто хранилище знаний и мнений предположительно человеческой природы. Короче говоря, на вопросы я не отвечаю. Это делают за меня книги.

– О... – Все оказалось несколько сложнее, чем я думала. – Ну, тогда... тогда я, наверное, прочитаю парочку книг об этом.

Очки вернулись на свое место.

– Читать – это хорошо, – сказал он. – История делает человека мудрее, поэзия – остроумнее, математика – утонченнее, натурфилософия – глубже, нравственное чтение – серьезнее, а логика и риторика сообщают ему умение спорить.

Он уставился на меня оптимистичным выжидательным взглядом – ни дать ни взять голубь, подлетевший за крошками. Я бодро кивнула, будто поняла, о чем он толкует, но Гения так легко не обжулить.

– Я цитировал Фрэнсиса Бэкона, дитя, – вздохнул он. – Эссе «Об учении». Кстати, рекомендую.

– «Об учении». Бэкон... А про любовь там что-нибудь есть?

Он снова отвернулся к столу.

– В некотором роде. Итак. Нью-Йоркская публичная библиотека открыта всем. Однако сначала вам понадобится завести учетную карточку и ознакомиться вот с этим списком правил. Правила очень важны.

Он выдвинул один из квадриллиона ящичков своего исполинского стола и достал маленький картонный прямоугольничек и лист бумаги, которые и подал мне. Затем обмакнул длинное перо в богато украшенную чернильницу.

– Имя?

Конечно, он не имел в виду настоящего имени – на этот счет в Между-Йорке, где имя означает власть, бытует политика «не спрашивай и не спрошен будешь».

– Ниф, – сказала я и углубилась в листок.

Правила пользования Нью-Йоркской
Публичной Между Библиотекой

Департамент гуманитарных и социальных наук

---

²⁵ Первое (лат.).

²⁶ Второе (лат.).

НИКОГДА

1. Не портите книги и не пишите в них.
2. Не приносите в библиотеку никакой пищи и напитков.
3. Не выносите никаких книг из библиотеки.
4. Не шумите и не устраивайте беспорядка.
5. Не входите в Фонды.

– Сэр, – сказала я. – Я тут не очень поняла правило номер пять. Если в фонды ходить нельзя, как я получу свои книги?

Он обратил очки ко мне.

– Проконсультируетесь с КАТНИПом, разумеется. А потом попросите одну из библиотечных странниц достать вам нужное издание. Вы что, никогда раньше не бывали в библиотеке?

– Нет.

Он улыбнулся, показав мелкие острые зубы.

– Держитесь подальше от Фондов, дитя мое. Они опасны.

Я всю свою жизнь прожила в Между-Йорке и способна распознать закон фэйри, когда слышу его. Я послушно сунула правила в карман и взяла учетную карточку, которая красивым паутинным почерком сообщала, что некто Ниф пользуется неограниченными читательскими правами и привилегиями в НИПБ. После этого Гений дунул в медную трубу, торчавшую из стены прямо возле стола. Из другой трубы тут же вылетела странница и развернулась у меня под ногами.

Я сделала шаг назад, чтобы не наступить на нее, и поздоровалась на всеобщем сверхъестественном.

– Можете не трудиться, – заметил Гений. – Она глухая.

Развернувшись, странница достала мне до пояса. Выглядела она как такая большущая бумажная куколка с физиономией типа «смайлик», нарисованной чернилами на дискообразной голове.

– Только ничего не говори! – заявила она. – Так... Ты подменишь и хочешь восстановить свое человеческое наследие. Что я могу для тебя подыскать? Хороший любовный роман? Популярная психология? Или что-нибудь посложнее? Квантовая физика? Зигмунд Фрейд?

Гений прожег ее взглядом.

– Странница проводит тебя в Читальный зал и познакомит с КАТНИПом, – сказал он. – До свиданья.

И он отвернулся к своему необъятному столу.

Странницу было не так-то легко разглядеть, когда она поворачивалась боком, но мне кое-как удавалось поспевать за ней по лабиринту межпутей НИПБ – вверх и вниз, прямо и в обход, вперед... и даже, кажется, назад. Наконец, мы оказались в комнате, где целая стайка подмышней расположилась в уютных креслах, уткнувшись носом в книгу. Симпатичная комната, прямо-таки идеальная для чтения: много мягкого серебристого волшебного света, маленькие столики, за которыми так удобно писать, если надо, приятный гул работающих мозгов, сосредоточенных на какой-то интересной задаче.

– КАТНИП здесь, – сообщила странница. – Давай, входи.

Я прошла вслед за ней в боковую комнатку, обставленную, если можно так сказать, парой стульев и львом на мраморном пьедестале. Лев лежал, закрыв глаза и вытянув лапы перед собой. Размером он был с крупную собаку, а шерсть имел крупчато-белую.

Странница почесала ему меж мохнатых ушей. Лев открыл глаза, которые оказались цвета пасхальной лазури, и воззрился на нас.

– Это КАТНИП, – представила странница. – Он знает все книги, которые у нас есть, и где они стоят. Это простая, удобная для пользователей система, специально так устроенная, чтобы ты смогла во всем разобраться сама. Похлопай его по спине, когда закончишь, – он от этого перейдет в спящий режим.

И она удалилась, оставив меня нос к носу с КАТНИПом, который как раз очень зубасто зевнул.

Так, хорошо. Мне и раньше приходилось иметь дело с зачарованными зверями. Все просто: ты им задаешь вопросы, они отвечают. Только вот вопросы нужно задавать правильные. Знать бы еще, какие из них правильные...

Что ж, с этого и начнем.

– Что мне у тебя спросить? – поинтересовалась я.

Лев подмигнул мне.

– Название, автор, тема, ключевое слово.

Не то чтобы очень понятно. Но от волшебных зверей понятности как-то и не ждешь. Я немножко пораскинула мозгами.

– Тогда тема, наверное. Любовь.

Лев закрыл глаза и, кажется, снова заснул. Я почесала его между ушами – просто в порядке эксперимента, но добилась только тихого раздраженного ворчания. Я уже собиралась пойти опять искать странницу, когда лев открыл свои фарфорово-синие очи.

– Двадцать восемь тысяч семьдесят три единицы хранения под грифом «любовь», – выдал он.

– О-о-о-кей, – пролепетала я. – А как насчет «влюбленность»?

– Тринадцать тысяч двести девяносто две единицы хранения, – сказал КАТНИП. – Желаете совет по оптимизации поиска?

О, это уже немного более юзер-френдли. Я улыбнулась в эту синеву.

– Да, будьте так добры.

– Задайте дополнительные ограничения, – посоветовал КАТНИП.

– Ч-чего?

КАТНИП вздохнул.

– Любовная поэзия. Божественная любовь. Любовь и образ женщины...

– О. А. Спасибо. Нелегко, знаете ли, задавать вопросы, когда не знаешь, о чем спрашивать.

На это у КАТНИПа ответа не нашлось – если не считать подрагивания украшенного кистью хвоста.

– Ладно, – сказала я вообще-то себе. – Что я и вправду хочу узнать, так это...

– Так ты далеко не уедешь, – сказал голос позади.

Приятный такой голос, гладкий и глубокий, как двойное шоколадное мороженое. Я развернулась и увидела, что принадлежит он парню, может, чуть постарше меня. Глаза карие, волосы каштановые, сложен как атлет, и в целом почти слишком хорош для человека. Одет он был в нормальную для подмышья униформу из джинсов и футболки, выуженных из мусорки Армии Спасения, но какая к черту разница. Смотрелся чувак все равно как переодетый свинопасом принц – ну, или как мажор, притворяющийся парнем с улицы (потому как на дворе все-таки Нью-Йорк и двадцать первый век, а не Германия и девятнадцатый).

– Ты на что уставилась? – спросил он. – Я что, порезался, когда брился?

На этот вопрос я отвечать не собиралась, так что просто отвернулась обратно ко льву. Который как раз зевнул и уместил подбородок на лапы.

– Нечего тут дрыхнуть, – свирепо заявила я. – Я пока еще не получила книги!

– Дай я помогу, – предложил подмышья.

С одной стороны, так оно явно будет проще: он наверняка знает, как задавать правильные вопросы. С другой, что может быть хуже, чем сообщить самому симпатичному человеческому парню, какого ты в жизни встречала, что ищешь книги о любви? Впрочем, стоило уточнить, что «Радости секса» меня НЕ интересуют, как все сразу стало проще.

Короче, работает оно так: ты называешь КАТНИПу тему, правильным образом суженую, а КАТНИП в ответ дает тебе мышей. Они выпрыгивают у него из пасти, выстраиваются рядом на пьедестале и пищат свои названия, авторов и выходные данные ясными, звонкими голосками.

Мыши, которых отобрал для меня пригожий подменыш, представляли пару антологий любовной поэзии, еще пару изданий с жутко научными названиями и нечто с заглавием «Знаки твоей любви».

– И сколько я могу взять? – спросила я.

– Страницы приносят только по две книги за раз.

Я подцепила двух первых попавшихся мышей из шеренги, которые тут же уютненько угнездились у меня в ладони.

– А если я захочу потом взять остальных?

– Они придут, если позвать их по автору и названию.

– Кто вообще придумал такую систему?

Парень пожал плечами.

– Никто ее не придумывал, она просто взяла и случилась. Типичная магия фэйри.

– Ага-ага... Ну, спасибо за помощь.

– погоди, это еще не все. Теперь тебе нужна страничка. Кстати, я Байрон.

– А я Ниф.

А еще я втрескалась по уши. Я уже была готова засунуть мышей, а с ними и пари с Колокольчиком куда подальше и спросить, как насчет славной долгой прогулки по Центральному парку... но он уже устремился в глубину Читального зала, к длинной деревянной кафедре, на которой валялись несколько книг, пригоршня какого-то зерна и небольшая стопка страниц.

Байрон отслюнил страничку из стопки и бросил на кафедру. Страничка встряхнулась с сердитым шелестом, выбрала зернышко, вручила его мне, потом схватила мышей, туго свернулась вокруг них в рулон и нырнула в медную трубу.

– Это номер твоего места за столом, –дохнул Байрон мне в ухо. – Довольна?

Нет, что угодно, только не довольна. Его шепот прокатился по мне, как электрический разряд.

– Что?

Он ткнул пальцем в зернышко. Я опустила глаза и увидела, что на нем отпечатаны какие-то цифры.

– А. Ого. Спасибо.

Он озарил меня улыбкой, от которой останавливаются сердца, и ушел на свое место. Которое, разумеется, было совсем не рядом с моим. Уверена, страничка сделала это специально.

Гламором обычно владеют те, кто из Народа, но у Байрона он определенно был. Не такой мегаваттный, как у лисьего духа или пуки²⁷ – потоньше, поделикатнее, как пара свечей на прикроватном столике. Впрочем, и его оказалось довольно, чтобы мне до смерти захотелось зайти со спины и зарыться пальцами в его волосы, пробежать по плечам... таким широким и квадратным под рваной футболкой.

Но это привело бы к нарушению правила номер четыре (не шуметь и не устраивать беспорядок), а возможно, и номер один (не портить книги) заодно. Так что я взяла себя в руки и

---

²⁷ Пука – злой дух ирландского фольклора.

ничего не сделала. Зато скоротала время за раздумьями о том, что *могла бы* сделать. Наконец, странница принесла мне книги.

– Вот и они, девочка моя, – сказала она. – Флаг тебе в руки. И, сделай милость, завязывай думать так громко. Мы там, на кафедре, от тебя все краснеем.

Я и сама покраснела, но все равно взяла верхнюю книгу из стопки, открыла и стала читать.

Раз уж у нас тут волшебная сказка, я не стану вам пересказывать все, что узнала в НИПБ. Волшебные сказки обычно не вдаются в подробности, чем там занимались герои в промежутках между приключениями. Скажу только, что эти книги – особенно стихи – тоже обладают чарами, и весьма могущественными. Они даже как-то изменили мое мнение о собственной человеческой природе. Не могу сказать, что поняла, как они это сделали, – просто сидишь себе и чувствуешь, как они клубятся у тебя в голове и заставляют чувствовать такое... чего ты никогда еще в жизни не чувствовал.

Из-за этих поэтических чар я даже позабыла о Байроне. Ну, почти. Я даже поглядывала на него не чаще чем через пару страниц. И когда он закрыл книгу, отнес ее на кафедру и натянул потертую кожаную куртку, собираясь уходить, клянусь, я встала и двинулась за ним только потому, что проголодалась до чертиков.

Он подождал меня у дверей. Я подвалила эдаким прогулочным шагом – сама Мисс Беззаботность Между-Йорка.

– Эта часть города вне моих обычных путей миграции, – тихо сказала я (правило номер четыре). – Где тут можно разжиться сэндвичем?

Вместо ответа он взял меня за руку и потащил за собой наружу. Понятия не имею, что он там почувствовал, когда наши руки соприкоснулись, но у меня во рту разом пересохло, а лицо полыхнуло жаром, как августовский тротуар. Я сравнила симптомы с показаниями поэзии. Любовь, сомнений быть не может. Кажется, выиграть пари будет легче, чем я думала.

Приземлились мы в месте, где я никогда раньше не бывала: «Тожеочутак», что под Таймс-сквер. Только для подменьшей – Народ не допускается. И там подавали человеческую еду (сворованную из кулинарии Снаружи)! Пахла она на мой вкус малость странно, но я была готова на все, что нравится Байрону. Он заказал нам по гамбургеру с кофе, а я тем временем пыталась придумать, с чего бы половчее начать разговор. Примерно вечность спустя в сухом остатке у меня было только «что ты изучаешь в колледже?»... – ну, я и спросила.

– Магию, – кратко ответил он.

– Ого, – сказала я. – А почему?

Он оглянулся по сторонам и пододвинул свой стул к моему.

– Я хочу выбраться отсюда, вернуться Наружу. Там мое место.

Я кивнула. Вот всегда со мной так. Встречаешь живой ответ на молитвы любой девчонки-подменьша, и на тебе – парень ку-ку. Всем известно, что подменьшам нет выхода из Между-Йорка – если только Народ сам их отсюда не вышибет. Да большинство из нас и не ушло бы никуда, даже если б могло. Я бы, например, не ушла. Попасть туда, где нет магии, где тебе нужны деньги, чтобы жить, где ветер тебя заморозит, а дождь промочит, где ни с кошкой не поболтаешь, ни с вилисой не станцуешь, ни с лепреконом языком не почешешь... Да ни за что на свете! Нет, мне, конечно, тоже было интересно, как оно там, Снаружи. Я читала газеты и журналы, которые заносило в ливнёвку, и охотно слушала, когда кто-нибудь из Народа рассказывал про свои приключения со смертными. Но вот жить среди них, смертных, мне совсем не хотелось. Слишком они непредсказуемые.

– Я тут как игрушка, как зверушка домашняя – меня уже тошнит от всего этого, – говорил меж тем Байрон. – Что бы я ни делал – это ничего не меняет. А я хочу, чтобы меняло, Ниф! Я хочу быть кем-то. Героем!

Нет, он, может, и ку-ку, зато какой красивый. Я слушала его, издавала какие-то сочувственные звуки и любовалась, как эти его каштановые кудри падают обратно на лоб, стоит ему их откинуть.

– Должен быть какой-то способ. Ну, ты же знаешь: прецеденты были. Томас-Рифмач, Тэм Лин, Орфей, Геракл... Мне нужно только свести все данные вместе. У меня есть мысль, что все это как-то связано с теорией хаоса и алхимией. Понимаешь...

Мы говорили, а я смотрела, как страсть разжигает пламя за этими теплыми карими очами, и думала, как, интересно, заставить его так посмотреть *на меня*? Впрочем, поскольку из Между-Йорка он вряд ли выберется, времени у меня впереди целый вагон.

Обратно в библиотеку я в тот день так и не попала. Какое-то время мы еще поторчали в «Тожехочутак», а потом пошли плясать на перманентный плавучий Фэйри-Рейв. Я так и не поняла, чего это Байрон тусует со мной, когда на него заглядывается столько прекрасного Народа, но вообще-то мне было наплевать. Мы отлично провели время. Наплясавшись, мы пошли плавать с русалками в нью-йоркской гавани и воровать венерок из устричного бара на Центральном вокзале, а потом еще на «Бродвейскую песнь», неувядающую музыкальную любовь всего Народа, и развлекались, и развлекались, пока не устали развлекаться и не срубились.

Проснулась я в гнезде медведей-оборотней под Центральным зоопарком. Байрона нигде не наблюдалось. Медведи понятия не имели, куда он подевался, зато имела я.

Войдя в Читальный зал, я первым делом увидела его – вон он, сидит, кудрявая голова чуть ли не с религиозным восторгом склонилась над толстенной книгой с черной обложкой и алым обрезом. Я постаралась пройти мимо его стула по дороге в каталог и потрепала его походя по плечу. Он даже головы не поднял.

Какое разочарование... но тут я напредила себе, что мальчик хочет стать героем. Отлично. Героев я понимала. Герои совершают всякие невозможные подвиги. Вот и Байрон сейчас совершал свой. Пойду, поиграю немножко с КАТНИПом, а потом, может, мне удастся умыкнуть его в «Хочутак» и расспросить, как там поживают подвиги.

Когда я вошла, КАТНИП спал. Грива меховой волной растекалась по мерцающим белым плечам. Я ласково почесала его между ушами размером с чайную чашку. Шерсть мягко спружинила у меня под пальцами, а из-под нее донеслось мягкое урчание, словно поезд метро подходил.

– Здорово, КАТНИП, – сказала я. – Как оно, твое всё?

Лев открыл льдисто-голубые глаза, встряхнул гривой и как следует зевнул.

– Автор, название, тема, ключевое слово, – сонно проворчал он.

– Ладно, – ответила я. – Сегодня я хочу научиться разговаривать с тобой.

Это оказалось очень весело. Комнату заполонили мыши – это я пыталась выяснить, как же мне оптимальным образом организовать поиск. Потом до меня дошло, как составлять список названий без мышей, я открыла для себя предметный указатель и еще целую кучу всяких крутых штук. КАТНИП был со мной невероятно терпелив, и, стоило мне научиться правильно спрашивать, как он сразу же завалил меня полезными советами, как можно все сделать попроще и побыстрее, в обход самых сложных участков системы.

– Спасибо, – сказала я, зарываясь пальцами в его неподатливую гриву. – Ты лучший. Сладких снов.

Я взъерошила жесткую шерсть и полюбовалась, как белые веки опустились на лазурные глаза.

Тут-то до меня и донесся шум из Читального зала.

Первым делом я подумала: «Ну, сейчас им устроят правило номер четыре!» – но тут до меня донесся голос Байрона, и мы с моей медлительной задницей ринулись туда на удвоенной скорости.

Байрон как раз карабкался через кафедру. Ни одной странницы поблизости видно не было. Подменьши порхали кругом, словно стайка вспугнутых голубей, суматошно квохча:

- Да что он делает?
- Он нарушает все правила!
- Слезай оттуда, идиот!
- Кто-нибудь, позовите Гения!

Двух вздохов мне хватило, чтобы обозреть эту картину, а в следующий момент я уже была на другом конце комнаты и стояла ногами на кафедре. Байрона я увидела перед дверью, которой никогда раньше не замечала: деревянной, с матовым стеклом, очень узкой, но вполне человеческого размера. Одной рукой он уже схватился за полированную медную ручку, а в другой держал перепуганную мышь и вид имел раскрасневшийся, решительный и совершенно, просто-таки на удивление героический.

– Байрон, стой! – воззвала я.

Он нетерпеливо оглянулся через плечо, твердо намереваясь нарушить еще и правило номер пять – и плевать на любые последствия.

– Секунду подожди, а? Я иду с тобой.

Я перемахнула через кафедру и проскочила в дверь, не успев еще толком подумать, хорошая ли это идея. Оглядевшись в поисках своего молодцеватого бойфренда, я обнаружила, что он уже безо всякой задней мысли умолодцевал куда-то прочь с глаз. Вроде бы его ботинки простучали по параллельному ряду стеллажей... Я кинулась на перехват, но, добежав до перекрестка, обнаружила, что проход пуст в обоих направлениях.

Итак, я, стало быть, в Фондах. Одна. Можно, конечно, вернуться, но как же это будет тухло! Вокруг, докуда хватало глаз, простирались стеллажи, тесные и смутно различимые в полумраке. До потолка можно было достать рукой, а проходы между чугунными полками шириной не превышали моих плеч. Воздух оказался сухой и холодный – совсем не затхлый, не пыльный и книгами не пах. Да и опасностью тоже не особо – хотя я заметила, что все книги стоят за железными решетками.

В общем, я решила сосредоточиться на звуках – может, откуда-нибудь донесется топот или дыхание. Лишь бы понять, куда, собственно, девался Байрон.

Вот тут-то я и начала слышать голоса.

Сначала совсем тихие – неясное такое, едва слышное бормотание. Настолько сливающееся с общей атмосферой, что я вполне могла его себе вообразить. Однако стоило его заметить, как громкость тут же выросла. Я, признаться, занервничала. Стоишь вот так себе в запретном месте, против которого тебя прямым текстом предостерегали, а кругом какие-то призрачные голоса звучат – и притом громче с каждой секундой, словно незримая толпа собирается. Мне становилось все неудобнее, а ропот рос и рос. Вскоре я уже даже слова начала различать: «душа»... «смерть»... «человеческая природа»... Я побыстрее зажала уши ладонями.

Мышь пробежала мне по ноге: я подскочила, наверное, на милую и опрометью кинулась в боковой проход. Зверек тем временем вскарабкался по решетке, закрывавшей полку, просочился через ячейку и уселся на книжном корешке. Я забилась в самый конец ряда и притворилась книжным шкафом – и вовремя. Секунду спустя явилась странница и отперла решетку. Мышь благополучно исчезла – куда исчезают все магические инструменты, когда они больше не нужны, – а странница обернулась вокруг книги и нырнула в медную трубу в начале прохода.

Так, одной тайной меньше. Осталось еще несколько миллионов. И первые две из них: где сейчас Байрон, и как мне не поехать крышей? Не удивительно, что странницы глухи, – я бы и сама не отказалась. Тут я вспомнила, что уже нарушила сегодня одно правило: самое первое. Никакой еды и напитков в библиотеке. А в кармане у меня притаилась солонина с горчицей на ржаном хлебе – сэндвич, который я подцепила вчера в «Тожехочутак».

Выудив его из кармана свитера, я аккуратно оторвала два кусочка мякиша по возможности без горчицы и заправила их в уши. Грубый ход, но эффективный. Бормотание уменьшилось до слабого гула – вроде шума транспорта через закрытое окно, а к такому городская девчонка привычна. Так, хорошо, теперь хотя бы можно думать – чем я и занялась.

Библиотека очень велика. Если носиться тут без разбору, как полоумная, только насмерть устанешь, не говоря уже о том, что окончательно потеряешься. Мне нужна мышь. А чтобы добыть мышь, мне нужен КАТНИП. Который сейчас преспокойно сидит у себя, в Читальном зале. Тупик.

Ну, вот и подумали, называется. Я выбралась из прохода и поглядела в одну сторону, потом в другую. Справа коридор исчезал за поворотом. Слева узкая лесенка вела на следующий уровень. Я повернула налево.

Гений оказался прав. Фонды опасны. Объяснить это можно разве что так: эти книги... они очень, очень хотели привлечь мое внимание. Убедившись, что на шепот я не реагирую, они пустили в ход литературных персонажей, метафоры и всякие стремные идеи, стараясь заманить меня к себе. Меня прямо-таки осаждали видения: тропинка между заснеженным лесом и замерзшим озером... мужчина, который был деревом, и женщина, обвинявшаяся вокруг него, точно плющ... женщина с буйными волосами и кровью на одежде, которая, сверкая глазами и угрожая ножом, требовала, чтобы я выслушала ее историю...

Это я сейчас так спокойно обо всем этом рассказываю – в конце концов, я же выжила, – но тогда уж чего-чего, а спокойно мне не было. По правде говоря, я была напугана до смерти. Нет, я, конечно, понимала, что все это иллюзии, что нож меня не порежет, а мужчина и женщина не разобьют сердце своей невыносимой красотой... – но чувствовалось оно так, словно это им не составит никакого труда. Я зажмурилась, встала на четвереньки и поползла (пол под руками и коленками был такой надежно-холодный и твердый!), пока не добралась до лестницы. Взобравшись тем же манером на несколько ступенек, я осторожно приоткрыла глаза. И увидела только те же тускло освещенные коридоры и глухие черные тылы полок. Ну, хотя бы нейтральная территория.

По лицу у меня катился пот. Я вытерла его рукавом и вот тогда-то и обнаружила волосок.

Свитер был черный, а волосок – ослепительно белый и сиял, как принт, на фоне темной шерсти. Медведи-оборотни, помнится, были бурые, кошки у меня нет, так что видимо, он пристал ко мне в каталожном зале, перед тем, как началась вся дальнейшая кутерьма.

Окей, может, я и мало знаю о человеческой любви, зато с шерстинками магических животных обращаться определенно умею. Я осторожно расщипнула его ногтями идохнула.

– *КАТНИП, что всех и сильнее и храбрей,*

На помощь ко мне ты приди поскорей.

– Лесть, – заметил низкий голос у меня за плечом, – открывает все двери. Хотя, должен признаться, стишок вышел так себе.

Это действительно был КАТНИП – он сидел на лестничной площадке прямо надо мной.

– А что случилось с названием, автором, темой и ключевым словом? – осведомилась я не слишком твердо.

КАТНИП выглядел совершенно непроницаемо, как это свойственно кошкам.

– Если хочешь, можем начать с этого.

– Нет-нет, все нормально. Прямо-таки превосходно. Слушай... мне срочно нужна мышь, просто до зарезу.

– Это когда у тебя есть я? – оскорбился КАТНИП. – Можно и мышь, если угодно, но я передвигаюсь по фундаментам гораздо быстрее, чем мыши. А времени у нас не так уж и много... если ты ищешь того нудного юного героя.

Я просто не могла себе позволить задуматься о том, что сейчас происходит с Байроном... – на панику времени уж точно нет.

– Правда? То есть я не ждала, что ты сам будешь мне помогать. Я тебе очень признательна, КАТНИП, честное слово.

– И насколько же именно ты мне признательна? Как много значит для тебя этот молодой человек?

В Между-Йорке никто никогда не ругается, если не готов потом разбираться с последствиями. Так вот, еще немного, и я бы выругалась. Ненавижу вопросы, на которые нет ответа, – почти так же сильно, как сделки с магическими существами, когда очень торопишься. Но выбирать все равно не приходится...

– Назови свою цену. Посмотрим, соглашусь ли я.

– Ты, – сказал КАТНИП.

– Чего?

– Я не стану *торговаться* с тобой. Моя цена – ты. Я предлагаю тебе помощь в обмен на службу. Вот и вся сделка. Времени мало, подменьш.

Вот дьявол. Если так дальше пойдет, я до конца жизни буду на побегушках у волшебного племени, в том числе и животного.

– Окей, – сказала я. – Да. Я согласна. Ты помогаешь мне вытащить отсюда Байрона, а я буду чесать тебя за ушами и носить тебе молоко, и вообще делать все, что ты захочешь.

– И так долго, как мне заблагорассудится.

Это было уже совсем нечестно, но, увы, таков Народ. Я вздохнула.

– И так долго, как тебе заблагорассудится. Но своей очереди все равно придется подождать. Там перед тобой одна лебединая дева занимала.

– Вряд ли тебе придется беспокоиться о Снежном Колокольчике, – небрежно заметил КАТНИП. – Но то, что ты о ней вспомнила, делает тебе честь.

А в следующее мгновение мы очутились в совсем другой части библиотеки, и я увидела Байрона.

У него были крупные неприятности.

Он стоял в начале прохода, и волосы его развевал ветер, которого я не чувствовала. Спина прямая, голова высоко вздернута, руки протянуты вперед. Перед ним парил один из тех пурпурно-зеленых золотозубых демонов с жучиными глазами, что так комично смотрятся на картинках. Во плоти, правда, ничего комичного в нем не оказалось. Он был прекрасен и смертоносен, как револьвер. И он открывал дверь. Не какую-нибудь там обычную дверь, а магическую, между измерениями. Дверь, которой тут совершенно не должно было быть.

Я повернулась к КАТНИПу:

– Ты вроде бы сказал, что у него неприятности. По мне, так он вот-вот подвиг совершит.

– Посмотри еще раз, – предложил КАТНИП.

Байрон продвинулся чуть ближе к двери. Он выглядел странно застывшим с этими его вытянутыми руками – будто во сне ходил. И тут до меня дошло, что демон что-то очень уж доволен с виду... стало быть, занят чем-то приятным... а стало быть, для Байрона это не самая лучшая новость.

– Он вызвал демона, чтобы тот открыл дверь Наружу, – пояснил КАТНИП. – Только забыл уточнить, какое именно Снаружи имеется в виду.

– О, черт, – пробормотала я и, не раздумывая, шагнула вперед, чтобы оттащить Байрона от двери, но тут же споткнулась об КАТНИПа, который необъяснимым образом оказался у меня на пути.

– Только коснись его, и отправишься туда же, – прорычал он.

– Ладно, – согласилась я. – И что же мне делать?

– Чтобы спасти его?

– Ну, естественно, чтобы спасти.

– Мальчик уже нарушил кучу важных запретов. Он проник в Фонды, устроил беспорядок и испортил книги. И к тому же пытался выйти Наружу.

– Слушай, – вмешалась я, – мне все равно, что он там натворил. Он не заслуживает попасть туда, куда тащит его этот демон. Я уже сказала, что стану служить тебе, сколько захочешь, а это куда дольше, чем обычно оговаривается в таких сделках. Помоги мне, КАТНИП. Пожалуйста!

Начала с героической ноты, а закончила на жалостной, ага. Но я всего лишь человек, не забыли? И я была в полном ужасе. А вот КАТНИП нет: он преспокойно уселся и обвил хвостом лапы.

– Тебе придется разорвать связь между ним и демоном, – сказал он. – Если отвлечь его, демон исчезнет, а дверь закроется. При условии, что она сейчас открыта не более, чем наполовину.

К этому времени Байрон уже на треть продвинулся вдоль ряда стеллажей, а дверь выглядела открытой градусов эдак на тридцать три. Вихри тьмы выпрыгивали из проема, а с ними вспышки цветов, которые я бы не смогла узнать, даже если бы захотела.

– Байрон! – завопила я. – Это я, Ниф. Вернись!

Ничего не произошло, только ухмылка демона стала еще шире – уголки пасти обогнули уши и скрылись в области затылка.

– Он тебя не слышит, – прокомментировал КАТНИП. – Могу я посоветовать хорошую книгу?

Я собрала в кулак весь свой самоконтроль. Известно же, как такие вещи работают. Намек, значит? Окей, надо хотя бы чуть-чуть остыть и подумать. Хорошая книга может означать несколько разных штук... я пронеслась по списку возможностей на максимальной доступной скорости. С книгой по магии я могла бы превратить Байрона во что-нибудь такое, к чему демон утратит интерес – да хотя бы в мышь. Еще можно *развызвать* демона. Но на поиски нужной книги и нужного заклинания в ней уйдет больше времени, чем у меня есть, даже окажись под рукой КАТНИПов предметный указатель. Я быстренько оглядела ближайшие тома на полках: «Живопись Тулуз-Лотрека», «Архитектурный стиль Фрэнка Ллойда Райта» и иллюстрированные «Кентерберийские рассказы» альбомного формата. Единственное, что между ними общего, – это размер. Большие такие книги. Тяжелые...

– Дверь открывается, – промурлыкал КАТНИП.

Времени на раздумья не было. Я рывком распахнула решетку, обеими руками схватила самую большую, самую тяжелую из книг, в три прыжка одолела проход и со всех сил засветила Байрону прямо в рубильник.

Дальше произошло сразу несколько событий. Байрон неаккуратной кучей осел на пол. Демоническая ухмылка сменилась ревом, открывшим мне об устройстве багряной глотки и синего бугристого языка нашего друга несколько больше, чем я желала бы знать. Невидимая дверь вырвалась из его когтей со скрежетом, перекрывшим даже рев, и захлопнулась, уволакивая демона с собой. От ударной волны у меня чуть уши не лопнули. Осталось лишь несколько заплутавших язычков тьмы, которые бесцельно тыркались по полу, пока КАТНИП не прыгнул на них и не затоптал.

– Ну, что ж, – сказал он, – весьма увлекательное зрелище. Как там книга?

Я поглядела на нее: Джеффри Чосер, «Кентерберийские рассказы», Келмскоттское издание²⁸. Книга выдержала удар отлично, чего не скажешь о Байроне, который как раз застонал и неуверенно поднес руку к голове.

---

²⁸ На самом деле т. н. «Келмскоттский Чосер» представляет собой не только «Кентерберийские рассказы», но однотомное собрание сочинений автора, проиллюстрированное Эдвардом Бёрн-Джорджем. Название том получил по новаторской

Я встала рядышком на колени, положила Чосера на пол и помогла Байрону сесть. Он поморщился и осторожно пощупал затылок. Выглядел он сейчас совсем не таким красавцем, как раньше, и это вызвало у меня такой прилив нежности, что даже сердце заныло.

– Байрон, – нежно сказала я, – все уже позади, малыш. Теперь ты в безопасности.

– Ты зачем это сделала?! – он даже отшатнулся. – У меня уже почти получилось!

– Вообще-то девочка тебя спасла, – заметил КАТНИП. – Единственное, что у тебя почти получилось, так это провалиться в мир, еще более враждебный, чем этот.

– Я знал, что я делаю! – отрезал Байрон.

– Нет, не знал, – спокойно возразил КАТНИП.

Когда Каталог Нью-Йоркской публичной библиотеки говорит тебе что-нибудь, можешь хоть пополам разорваться, но это чистая правда. Байрон очень крепко зажмурил глаза, сделал несколько глубоких вдохов и, кажется, его немного попустило.

– Хорошо, Ниф, – он открыл глаза. – Спасибо. Ты спасла мне жизнь. Я высоко это ценю.

Мое сердце, которое до сих пор, оказывается, стояло тихо, спохватилось и снова застучало.

– Да ладно. Ты бы сделал для меня то же самое.

Он одарил меня ослепительной улыбкой.

– Все равно спасибо. И тебе, КАТНИП. Я твой должник.

– Так и есть, – согласился тот.

Это оказался совсем не КАТНИПов голос, а мы уже были не в Фондах. Вокруг раскинулся кабинет, мы сидели на библиотечных стульях лицом к огромному письменному столу, а КАТНИП уставил на нас немигающий взгляд своих синих глаз, примостившись рядом с деревянным тронем Гения.

– Вы меня серьезно разочаровали, – продолжал хозяин кабинета. – Очень серьезно. Вы двое вкупе нарушили все правила библиотеки, какие только есть в списке. Что у вас в кармане, юная леди, позвольте спросить?

Бывают времена, когда стоит и соврать кому-нибудь из Народа, а бывают – когда нет. К тому же я слишком устала.

– Солонина с горчицей на ржаном хлебе, сэр.

– И что вы намеревались с ними сделать?

– Съесть. В туалете, где никаких книг нет. Я знала, что проголодаюсь, и не хотела тащиться всю дорогу до «Тожехочутака», чтобы раздобыть себе перекус.

– Это все равно, – отрезал он. – А вы, молодой человек? Что вы делали в Фондах?

Байрон сидел перед ним горделивый и прямой.

– Я хотел книгу, – заявил он, глядя Гению прямо в очки.

– Страницы принесли бы ее вам.

– Свободных страниц в тот момент не было.

– Это так, – встряла я. – В зале не оказалось ни единой страницы.

КАТНИП с Гением обменялись совершенно нечитаемым взглядом.

– Это вас не извиняет, – сказал Гений. – И вам это прекрасно известно. Вам говорили, что Фонды опасны, и вы понимаете, что может означать слово «опасность» в таком месте, как это. Вы повели себя очень глупо.

Мерцающие прямоугольники обратились от Байрона ко мне.

– Как и вы, мисс. По более благородной причине, но все равно глупо. Боюсь, я вынужден попросить у вас ваши библиотечные карточки.

Я выудила из джинсов свою – признаться, удивленная, что наше наказание не оказалось суровее... но еще больше я удивилась тому, как жалко мне было ее отдавать. После всех чудес, которые я увидела здесь всего одним глазком, вернуться к мокрым газетам и вырванным журнальным страницам будет ой как нелегко.

– Она мне все равно не нужна, – бросил Байрон, доставая карточку. – Я знаю то, что знаю. И этого вы у меня не отнимете.

– Думаете?

Голос Гения был очень мягок, но от звука его у меня на шее встали дыбом волоски.

Он протянул руку, и мы покорно отдали карточки.

Байрон встал и устремился к двери.

– Ты идешь, Ниф?

Я тоже поднялась, усталая и грустная до невозможности.

– Иду. Пока, КАТНИП. Я буду по тебе скучать.

– Нет так быстро, – негромко сказал Гений. – Я с вами еще не закончил. Байрон и Ниф, вы нарушили запреты и остались живы после сурового испытания. Если фольклор меня не обманывает, в таких случаях полагается дар. Каждому по одному желанию – как думаешь, КАТНИП?

Белый лев важно кивнул.

– Очень хорошо, – сказал Гений. – Итак, желания. Байрон?

У меня отвалилась челюсть. Понятно, почему мне полагается желание: я все-таки спасла Байрону жизнь и изгнала демона. Но он-то – он всего лишь вовремя схлопотал книгой по кумполу. В этой сказке он был девой в беде, а я – героем. Так с какой же стати ему полагается награда? Нет, я, конечно, в курсе, что Народ честностью не отличается, но уж свои-то правила они обычно соблюдают, в этом на них можно положиться.

Я уже почти раскрыла рот, чтобы спросить об этом, но тут встрепенулся Байрон. Он оправился от шока куда быстрее моего и теперь сверкал глазами, пылал щеками и совершенно точно знал, что собирается сказать.

– Я хочу вернуться Наружу! – выпалил он.

– Очень хорошо, – ответил Гений. – Выйдя за эту дверь, ты окажешься в человеческом Читальном зале Нью-Йоркской публичной библиотеки. Герою вроде тебя не составит труда найти дорогу до центрального входа и дальше, на Пятую Авеню. Удачи.

Байрон бодро развернулся к двери.

– Погодите-ка, – сказала я. – Первое. Это как же так вышло, что он у нас герой? Он ничего толком не сделал, разве что почти дал себя убить. И второе. У тебя есть куда пойти там, Снаружи, Байрон? И что ты будешь делать в мире людей?

Байрон широко улыбнулся.

– Искать свою судьбу. Хочешь со мной?

Гений посмотрел на меня.

– Таково твое желание, Ниф? Отправиться с Байроном и помочь ему найти свою судьбу?

Никогда не знаешь, что свалится тебе на голову, пока оно не свалится. Еще минуту назад я была совершенно уверена, что ничего на свете так не хочу, как уйти с Байроном и жить с ним долго и счастливо до самого сказочного конца, который я сама только что нам завоевала. Но тут вылез этот самый геройский вопрос, и Байрон выбрал Нью-Йорк-Снаружи, а я... вдруг как-то растеряла уверенность. А на поверхность внезапно выкипела одна очевидная вещь – что я... люблю наш Между-Йорк. И не знаю, люблю ли Байрона.

– Отвечай, дитя, – строго поторопил меня Гений. – Мне начинает становиться скучно.

Клянусь, я понятия не имела, что собираюсь сказать. Я честно открыла рот, а оттуда возьми да и вырвись:

– Я хочу назад свою библиотечную карточку.

– Давай уже двига... Что ты сейчас сказала? – Байронова физиономия вполне тянула на уморительную, если бы только у меня было настроение смеяться.

– Я с тобой не пойду, Байрон. Я остаюсь здесь.

Не уверена, что Гений дал бы мне передумать, но я могла бы – если бы Байрон стал со мной спорить. Но он вместо этого лишь печально кивнул.

– Ну, тогда удачи, Ниф. Я буду по тебе скучать.

После этого он быстро меня обнял, отвернулся, расправил плечи и стремительно вышел за дверь.

– Ну, и скатертью дорога! – прокомментировал КАТНИП. – Мне он никогда не нравился.

– А мне нравился, – заявила я и ударилась в слезы.

Терпеть не могу плакать. От этого у меня из носу течет, глаза жжет, и вообще это так унижительно по-человечески. Народ-то никогда не плачет.

Мне что-то тяжело легло на ногу. Я отняла руки от лица. КАТНИП уместил голову у меня на коленке, как большая собака, и мурлыкал вовсю. На другой коленке лежала библиотечная карточка.

– Желание исполнено, – сказал Гений. – Теперь один последний пункт, и мы все сможем, наконец, вернуться к работе. Полагаю, ты пообещала службу КАТНИПу в обмен на помощь в спасении этого исключительно недалекого юноши от последствий его тупоголовости.

Я вздохнула. Вот так сделка вышла.

– Да, пообещала.

– КАТНИП?

Лев поднял подбородок с моих коленей.

– Думаю, я превращу тебя в Библиотекаря. Отдохни сперва, а потом приходи ко мне, и мы об этом поговорим. А сейчас я съем этот твой сэндвич с солониной. Человеческая еда всегда пробуждала во мне интерес.

Я бы с радостью его расцеловала и разревелась бы ему в гриву, и вообще продолжила вести себя, как контуженная, да только постеснялась Гения. Так что я просто вытащила сэндвич из кармана и развернула. М-да, в последний раз я его видела менее плоским. КАТНИП цапнул его с ладони, раскусил, уронил обратно и слизал куски длинным розовым языком.

– Гм, интересно, – сказал он. – Принесешь мне еще, в следующий раз как придешь.

Я повернулась к Гению:

– Можно задать вопрос?

– Одно желание, – покачал головой он. – Знаешь, что случается со смертными, которые слишком жадны до желаний?

– Это не желание, Гений. Это информация.

– А, очень хорошо. Байрон живет в сказке, где герой добивается успеха, заручившись правильными спутниками. Если бы ты была его героиней, ты бы пошла с ним и применила свой выдающийся здравый смысл, чтобы помочь ему выжить в Наружном Йорке. Если, конечно, там применимы те же правила.

– То есть за спасение Байрона я получаю шанс жить долго и счастливо в качестве библиотекаря?

Гений подмигнул, на мгновение став очень похожим на КАТНИПа.

– За спасение Байрона ты получаешь шанс стать героем своей собственной сказки. А что это за сказка, покажет время.

И это чистая правда. В лучших традициях самых старых сказок о фэйри Байрон добился своего с чужой помощью. Надеюсь, его «долго и счастливо» в итоге вышло достаточно счастливым. Иногда, когда меня одолевает жалость к себе, я надеюсь, что он теперь городской чудик, который видит фэйри, куда ни посмотрит, да только поговорить с ними не может. Но

по большей части я достаточно довольна жизнью, торчу себе в библиотеке, изучаю все ходы и выходы системы, учусь говорить со странницами, скармливаю КАТНИПу сэндвичи с солониной – и читаю. Очень много читаю: поэзию, романы, пьесы, философию, историю. И фольклор, конечно. Я была права: мертвым Народ куда интереснее, чем мертвые – Народу. На Балу Солнцестояния я это докажу – стихами и прозой, да так, что даже Снежному Колокольчику придется признать, что она продула. А я пока что прикидываю, какое желание ей загадать и заодно в какой сказке я хочу жить. Сейчас я этого не понимаю, но я определенно на пути. На пути.

Делия Шерман родилась в Токио, в Японии, но выросла на Манхэттене, минутах в двадцати на автобусе от Нью-Йоркской публичной библиотеки. Ее рассказы о магической стороне Нью-Йорка опубликованы в антологиях *A Wolf at the Door*, «Зеленый рыцарь» и *Firebirds*. «КАТНИП» – это еще не конец приключений Ниф в Между-Йорке: у Делии есть и другие рассказы о ней, и, возможно, грядет даже пара романов.

Кроме того, Делия написала три романа в жанре взрослой фэнтези, номинировалась на Всемирную премию фэнтези и выиграла Мифопоэтическую премию. Делия исполняет обязанности редактора-консультанта для «Тор Букс» и является президентом Фонда «Искусство без границ» (www.artistswithoutborders.org).

От автора

Взрослея, я очень много времени проводила в системе Нью-Йоркской публичной библиотеки – по большей части в детской секции филиала на 79-й улице. С Исследовательской библиотекой я познакомилась, только когда пошла в колледж и столкнулась с необходимостью выискивать биографии ирландских поэтов и работы по театру эпохи Возрождения. Библиотекари были со мной очень милы, карточный каталог – удобен и прост, читальный зал – восхитительно просторен, а стулья – достаточно комфортабельны, чтобы сидеть и читать часами. Я просто влюбилась в это место и с тех пор так и осталась влюбленной. Теперь я живу в Бостоне, и у нас вынужденно любовь на расстоянии. Я поддерживаю отношения, регулярно навещаясь к КАТНИПу он-лайн (<http://catnyp.nypl.org>). На рабочем столе у меня до сих пор восседают книгодержатели в виде библиотечного льва, которые папа подарил мне, когда я уезжала в колледж.

Ниф и ее товарищи родились в результате спора с подругой по поводу того, удобно ли фэйри жить в современном городе. Я сама выросла в Нью-Йорке, считаю его совершенно волшебным местом и знаю, что да, они чувствуют себя там отлично.

Учитывая, сколько разного народу в разное время приехало сюда жить, будет только логично, если и по части фэйри Нью-Йорк тоже будет представлен самым широким спектром культур. Есть среди них, конечно, и коренные фэйри, происходящие от собственной нью-йоркской ветки магии. С ними так здорово играть, что я принялась за роман про ранние годы Ниф среди Народа, и называться он будет «Подменыш».

Делия Шерман

Эльфийское племя

29

*Как прекрасны они,
Благородные,
Обитающие в холмах,
В полых холмах.*

«Бессмертный час», Фиона Маклауд (Уильям Шарп)

Когда они переехали в Брайдстоун, Сьюзи старалась быть очень позитивной. Да, вот это самое слово. Позитивной. Ничего другого тебе и не остается. Джек пытался во всем ее поддерживать. Ей и так уже много пришлось пережить – да им всем на самом деле. Вертишься, как умеешь.

Ему было семнадцать с половиной, и потому она сказала, чтобы он звал ее Сьюзи, хотя вне дома, в колледже, Джек величал ее полным титулом – «мам». Люс все еще имела неотъемлемое право звать Сьюзи мамой, но тоже им не пользовалась. Четырнадцать лет, снежно-белые волосы и общая странность, какую девочки обретают внезапно, никого не спросясь.

– Сьюзи – личность, – серьезно и даже властно сообщила Люс. – И имеет право на собственное имя – она же не только наша мама.

– Но она и правда наша мама, – вставил Джек.

Тут вошла Сьюзи, вся сама позитивность, и они очень позитивно принялись прибираться в новом доме и распаковывать вещи.

Дом был действительно новый, во всех отношениях: часть целого блока домов, соединенных вместе, с большущими гладкими стеклянными окнами и дверьми, – одного из нескольких кварталов, которыми недавно обзавелась растущая деревня. Внутри все дома тоже, надо полагать, были одинаковые. Одна громадная комната внизу, кухня, гардеробная, три маленькие спальни наверху и уборная. Зато выходил их дом на поля, живые изгороди и лес. Это было круто, куда лучше, чем та квартирка в лондонском пригороде, где они все едва помещались, когда папу... Когда Майкла вдруг уволили.

А уволили папу потому, что он слишком много пил. Нет, не папу... Майкла уволили потому, что он слишком много пил. Алкоголя. Джек еще помнил, как оно было всего каких-то несколько лет назад: Люс девять, такая милая; Сьюзи никакая не позитивная, а просто счастливая, а папа – он тогда был просто папа. Майкл слишком много работал, объясняла Сьюзи, когда все покатило под откос. Он просто старался заработать им на пропитание, и теперь они должны все его поддерживать. Потом его уволили, семья потеряла дом на Честер-роуд, где выросли Джек и Люс, и переехала в квартиру. Там папа – точнее, теперь уже Майкл на полную ставку – продолжил крепко пить и начал рассказывать Сьюзи, Люс и Джеку, что до смерти от них устал и какая они обуза, – а заодно и поколачивать Сьюзи. Как-то ночью Джеку пришлось разбить ему об голову бутылку, чтобы хоть как-то остановить. Потом Джек плакал, Люс и Сьюзи тоже, а Майкл сидел на полу с ошеломленным видом. Дальше он встал – струйка крови еще бежала у него со лба до самого кончика носа – и просто вышел. Больше он не вернулся.

Это случилось полтора года назад. И вот теперь они здесь.

Реально глупый ход, думал Джек. Мама, видите ли, выиграла в национальную лотерею. Нет, не миллионы, конечно, но вполне достаточно на первый взнос за маленький домик, и еще

²⁹ “Elvenbrood” copyright © Tanith Lee, 2004. Осипов И. Г., перевод с англ., © 2018.

оставалось кое-что до тех пор, пока она не найдет работу (это Сьюзи крайне позитивно наврала ипотечному отделу). Еще они не менее позитивно нашли для Люс местную школу, а для Джека – колледж, всего в полчаса езды на поезде.

До чего же досадно, все никак не мог перестать думать Джек, что они не выиграли в лотерею раньше, чем разразился весь этот ад. Сьюзи сказала, что смысла нет смотреть на все под таким углом. Им просто чудесным образом повезло. Естественно, повезло.

Но Брайдстоун...

Джек разглядывал это место с подозрением, пока поезд еще только подходил к станции. Ну, да, Сьюзи сама выбрала... Одна из тех кентско-сассекских деревенок, что когда-то были живописны, да и сейчас еще местами оставались: настоящая старая кузня, да и паб не моложе, а церковь наверняка построили на следующий день после норманнского завоевания в 1066 году. Даже развалины римского форта и норманнского же замка неподалеку имелись. Но и сама деревенька за это время тоже успела раздаться. Она порядком набрала вес с пятидесятих, разжирела новыми домами, землевладениями и идиотскими магазинчиками, явно торговавшими всяким хламом, который никто в здравом уме не позволит себе купить – да даже и не захочет.

Ясное дело, великий водораздел тоже присутствовал. Тут были свои богатеи, жившие в старых домах с деревянными балками на крутых узеньких улочках или в кичливых особняках за деревней, с садами размером в добрый парк. Они владели большущими собаками, катались верхом, говорили так, будто все слова у них твякают одно на другое, и посматривали очень, очень свысока на «эту обычную публику», что покупала новые дома.

Сьюзи, между прочим, когда-то была актрисой. Ее и по телевизору показывали, и всякое такое, только этого уже никто не помнил. И что-то, а обычной она не была – как раз наоборот, необычной.

– Вы только поглядите, какой вид! – пропела она, когда они впервые увидели его как полагается, из окна лестничной площадки на втором этаже.

Да, вид оказался и вправду недурен, Джеку пришлось это признать. На следующий год он собирался изучать фотографию – сейчас-то у него только подготовительный курс. Можно будет делать превосходные снимки: зелено-золотые холмы, темные купы леса, раскинувшиеся за ними просторы открытой земли...

Почему же этот вид так ему не по вкусу?

Смешно, но он старался совсем на него не глядеть, не видеть. Вообще не смотреть в окна. Ненормальный какой-то.

А вот Люс вид нравился. И крошечный садик тоже, с голубыми, как бы из кованого железа, но на самом деле нет, стульями и столом (их купила Сьюзи), с растрепанными розовыми кустами и одним – сиреневым, почти с дерево. Она часами торчала там одна по вечерам, пока Джек со Сьюзи пялились в телевизор: напевала что-то себе под нос, совсем как тогда, когда была малышкой. Может, ей так и лучше. За забором жужжали и курились летней дымкой поля.

По ночам над землей плавала белая луна, зловеще вопили совы, а Джек то и дело спускался на первый этаж около часу пополуночи – и совсем не затем, чтобы глотнуть сока или схомичить кусочек холодной курицы. Нет, он проверял замки – и на парадной двери, и на задней.

– Сьюзи, как думаешь, эти замки достаточно надежные?

– У нас других нет, Джек.

– Это да... но, может, я найду кого-нибудь поставить нам получше?

– И кто к нам, по-твоему, может ворваться? – фыркнула она. – Лев?

– Да тут местные собаки размером со льва будут. Такая в две секунды через стекло проломится.

– Я собак люблю. Мы с Люс, может, и свою заведем. Слушай, Джек, спасибо, конечно, но мы не в Лондоне. Тут гораздо безопаснее.

– В Лондоне Джек никогда о замках не беспокоился, – чопорно встала Люс. – Он однажды на всю ночь дверь незапертой оставил, когда пришел.

Это было еще на Честер-роуд, так что Сьюзи быстренько сменила тему.

Что же так доставало Джека в этом месте? Пару воскресений они пробовали гулять по окрестным улочкам. Сьюзи и Люс трещали что-то о птичках и полевых цветочках. Джек все время оглядывался через плечо. Один раз он даже услышал, как что-то крадется за ними по ту сторону живой изгороди, и совсем уже собрался пнуть ее как следует, но тут над кустами взметнулись две вороны.

И дело было не только в зверье, или в виде из окон, или в местных жителях... а в чем-то еще...

В чем-то другом.

Может, в том, что он просто городской ребенок... или невротик, как Сьюзи и Люс, – так, совсем немножко. Да, наверное, все очень просто.

* * *

На четвертой неделе по приезде Люс как-то примчалась домой из школы, вся запыхавшись, и выпалила:

– Я встретила этого жуткого дядьку на главной улице!

Джек и Сьюзи в ужасе воззрились на нее.

– Люси, ты о чем? – аккуратно осведомилась Сьюзи, держась на всякий случай за край кухонного стола.

Джек, рано явившийся домой – делать, как выразился неуклюжий курсовой тьютор, *домашний проект*, – просто молча ждал.

– Да не об *этом*. Он просто не в себе, у него котелок не...

– Хочешь сказать, он под кайфом? – уточнил Джек.

Люс расхохоталась. Хотя бы этот ее смех – как серебряные колокольчики – пока никуда не делся... Это Майкл так говорил. Нет, не Майкл – папа.

– Я хочу сказать, он просто чокнутый. Совсем не опасный. Просто появился откуда ни возьмись и говорит, будь, мол, осторожна, девочка – будто я малышка какая! – гляди в оба.

– Ты с ним говорила? Люси, я же предупреждала тебя...

– Да не говорила я с ним! С какой стати? Я просто пошла себе дальше. А он и говорит мне в спину: ты, мол, при таких волосах осторожно ходи. И дальше еще что-то про римлян, оставивших камень, и про рыцарей, оставивших замок... но я к тому времени как раз была возле булочной и сразу зашла внутрь, как ты и говорила, и купила вот эту буханку...

– Оставь буханку в покое. Как он выглядел?

– Старый, тощий. С длинными волосами. Похож на такую мохнатую овчарку. Одет в старье – вроде как викторианское, для маскарада, только все ношеное и грязное. Но такие люди обычно воняют... пахнут, как мусорный бак, а он – нет. Он пах, – тут Люси задумалась, – как трава.

– Трава?

– Ну, трава на лугу. И глаза у него были зеленые, как у меня.

Сьюзи и Джек обменялись подозрительным взглядом. Одинаковых карих глаз.

– Завтра, Люси, – твердо сказала Сьюзи, – в школу ты пойдешь со мной. И после уроков я тебя тоже заберу.

– Ну, ма-а-ам... – взвыла Люс.

* * *

После чая – это у них был такой ранний ужин, в шесть, – Джек вышел пройтись. Он двинулся вниз по холму, прочь от стеклянных домов, мимо затейливых, выходящих в поле ворот, где временами паслись коровы. Попетляв немного по узким улочкам, он вырулил на главную.

На лужайке посреди деревни возвышался военный мемориал. Дальше, за нею, виднелась церковь с квадратной норманнской башней, а напротив среди громадных дубов и буков притулился паб. Странное у него было название, у этого паба. Там мельтешили листья, и шикарные бражники восседали на выставленных снаружи грубо сколоченных скамьях с бокалами вина и настоящего эля; Джек прищурился. На вывеске красовался зеленый холм, а на нем танцевали какие-то люди под изогнутым лунным серпом. «Дамы и господа», гласила вывеска.

Один из гостей заметил Джека и скривился. Ну, вот, было написано у него на физиономии – Джек это ясно видел – опять какая-то несовершеннолетняя плебейская шпана мечтает надраться.

Джек развернулся к ним спиной и зашагал через лужайку к церкви.

Он искал того, кто разговаривал с Люс. На самом деле человек такого сорта уже давно сбежал бы из чванливого местечка вроде Брайдстоуна... если только у них тут нет штатного деревенского дурачка. Ну, ради поддержания аутентичного колорита.

Что он хотел сказать этим своим «при таких волосах осторожно ходи»? Предупреждение? Или угроза? Джеку не терпелось отыскать этого странного дядьку, расспросить, что к чему. А если это все-таки была угроза, донести, что он, Джек, не потерпит, чтобы всякие старые бродяги пугали его сестру, ясно?

После церкви Джек еще немного поколесил по улицам и даже по тесным проулкам между домами. Кто-то где-то играл Моцарта... Собаки глухо и сочно брехали в садах, где каждая ветка знала свое место.

Когда он вышел обратно на лужайку, солнце уже клонилось к закату. Стрелка на башне ползла к половине девятого. Еще максимум час, и уже совсем стемнеет, и Сьюзи начнет волноваться, потому как он сказал, что всего лишь пойдет погулять.

Церковь тоже портила Джеку настроение. Кладбище было битком набито покосившимися древними надгробиями с датами вроде 1701 и 1590. Старина такая глубокая, что хоть ведром вычерпывай.

И, кстати, что тот ненормальный имел в виду, сказав, что римляне оставили камень, а норманнские рыцари – чего-то там еще? Кстати, про римлян он слышал впервые... может, это тоже были норманны? Холодало, ветерок нес запах цветов. Тьма сгущалась куда быстрее, чем он ожидал.

Не успел Джек подойти к двери, как Сьюзи распахнула ее изнутри настежь.

– Джек! Джек... слава богу!

– Что случилось? Мама?

– Люси пропала!

Джек встал как вкопанный, вся кровь так и застыла у него в жилах. Будто он снова оказался там, в той их квартире, и Майкл... визгливый пьяный голос вопит в соседней комнате, обвиняя Сьюзи, что семья ей до лампочки, что она думает только о карьере – которую вообще-то бросила... а потом звук удара.

– Сьюзи, ты уверена?

– Конечно, я, к чертовой матери уверена, идиот!

В отличие от Майкла ругалась она редко – видать, правда уже дошла до ручки. Джек понял, что дело нешуточное.

– Так, хорошо, вижу, ты все проверила. Когда ты поняла, что ее нет?

– Она была у себя в комнате, наверху, крутила диски – довольно громко. Что-то из этих ваших дымц-дымц, которые вы так любите.

– Понятно, «U-2».

– Проигрыватель играл все один и тот же трек, и я поднялась наверх, спросить, не может ли она сделать потише... и, Джек! Ее там не было! Окно широко открыто – и всё. Она же не могла вылезти из него наружу, правда? То есть я хочу сказать, зачем бы ей это делать? Ее не было в ванной, и по лестнице она не спускалась – я в это время гладила, и радио было включено, но я все равно бы увидела, если бы она прошла мимо двери в гостиную.

– А в других комнатах ты смотрела? Хорошо. А в саду?

– Да я везде смотрела! Я даже в стиральную машину заглянула, будь она неладна, – Сьюзи слабо хихикнула. – Я, наверное, дура, да? Все же наверняка в порядке? Она все время была где-то здесь...

Она резко развернулась и кинулась через коридор к лестнице и дальше, на второй этаж, словно тощий слоник в приступе паники. Джек двинулся следом. Нет, и наверху Люси не было и в помине.

Они вывесились из окна спальни, пожирая глазами дворик внизу. Да и падать отсюда не то чтобы высоко...

Воздух уже просто благоухал: цветы, сено, все такое чистое, живое, растущее... и ночь. Сама ночь.

– Мам, слушай. Я думаю...

– Вон! Вон она! Господи боже, да что она там делает? Люси! Люс!

Через несколько полей спеющей пшеницы... или ржи, или еще чего-нибудь, среди высоких колосьев неподвижно стояла маленькая тонкая фигурка, сияя почти снежной белизной – наверное, свет доставал туда с задних дворов. Люси с ее светлыми-светлыми волосами...

Осторожно ходи при таких волосах.

Сьюзи уже мчалась по лестнице вниз. С грохотом распахнулась задняя дверь. Джек догнал ее только в саду.

Мама стояла, вцепившись в выходивший на поля забор, и чуть не плакала, будто перепуганный ребенок.

– Она исчезла!

– Ее просто за колосьями не видно.

– Нет! Когда я сюда выбежала, ее было видно там, в поле. А потом – раз! и нету.

Внезапно Джек ощутил, что ночь очень холодная. И, к тому же, безлунная.

– Пойду поищу ее.

Он вскочил на забор и спрыгнул вниз, в поле.

– Только будь осторожен!

Джек только проворчал что-то в ответ и нырнул вперед, в кусачую жесткую полосу пшеницы, или ржи, или что это там было. С ненавистью круша колосья направо и налево, он думал, что ни в жизнь больше не станет есть ни хлеба, ни хлопьев.

Где-то через четверть мили он услышал, как Сьюзи зовет его. Сквозь колосья уже маячила темная тень леса, довольно зловещая с виду.

Джек так и встал.

Сзади несся голос матери, снова живой от радости и облегчения.

– Джек, все в порядке! Она здесь!

И сразу следом – голос Люси:

– Джеки-и-и!

А прямо перед ним на фоне лесного занавеса, недвижная, как нетронутый ветром колос, стояла фигура, белокожая, бледноволосая – стояла и улыбалась, спокойно и чуть удивленно

глядя раскосыми, кошачье-зелеными глазами. Всего секунду, наверное. А потом растаяла – в тенях, в ночи. В земле?

Джек потряс головой. Ничего. Ничего там не было. Просто адреналин и обман зрения. Он повернулся и побежал обратно, к дому.

– Она говорит, что была везде, где я только что посмотрела. Занималась чем-то, не понимала, что я ее ищу. Мы просто как-то разминулись.

Джек нахмурился.

– Чушь какая. Мы повсюду смотрели. Невозможно пропустить человека в таком маленьком доме.

– Ее собственные слова. Я сказала, что так просто не может быть, а она рассердилась, потом расплакалась – говорит, что не врет. Но она врет. Я посмотрела с фонариком: на столе во дворе есть царапины. Она наверняка вылезла на подоконник, перепрыгнула на крышу сарая... – я даже думать об этом не могу. А если бы она оступилась?

– Да уж. Хочешь, я с ней поговорю?

– Утром. На сегодня с нас хватит.

Ладно, а как Люс обратно-то влезла, подумал он? Наверное, прокралась внутрь, пока он рыскал по полям, а Сьюзи висела на заборе в слезах, чуть с ума не сошла.

Сошла с ума... как тот зеленоглазый дядька.

Всю ночь Джеку снилось, что он куда-то бежит. Что-то гналось за ним – собака, кажется... белая собака. Проснулся он весь в поту, потому что запер окно на ночь. И с мыслью: а что, если та, другая тварь – белая фигура, которую они вроде как видели – была такой специальной приманкой, чтобы Люси могла проскользнуть в дом незамеченной?

Женщина за кафедрой в библиотеке оказалась с виду довольно мила, но нравом – та еще злока.

– Мне жаль, но у нас компьютер завис.

Невооруженным глазом было видно, что на самом деле нисколько ей не жаль.

Джек сказал, что он изучает Брайдстоун. Она непонимающе выгнула бровь.

– Вы наверняка о нем слышали – в одной остановке отсюда.

– Я из Лондона, – надменно отрезала она.

Впрочем, ничего полезного он в библиотеке не нашел. Даты по замку, план римских руин и какой-то алтарь языческой богини.

Когда Джек уже выходил за порог, сзади раздался мужской голос.

– Вы про Брайдстоун спрашивали?

Джек оглянулся. Джентльмен в самом начале средних лет стоял и, нахмурившись, глядел на него, словно таким, как Джек, вообще не положено задавать вопросы. Впрочем, люди такого возраста Джеку все равно не нравились. Майклу как раз примерно столько и было.

– Да, – коротко ответил он.

– По какой-то особой причине?

– Я там живу. Если вы не против.

Тут до него дошло, что незнакомец хмурится потому, что ему приходится глядеть против солнца.

– Найдите старика по фамилии Солдат. Пишется, если что, «С-о-л-д-а-т». Он, правда, ку-ку, но довольно безвредный. Я с ним уже много лет знаком. Он знает эту вашу деревню Брайдстоун – и историю, и все остальное.

– Солдат, вы говорите? И что значит «ку-ку»? Котелок не варит?

– Вроде того. Но, как я уже сказал, безвреден. Смирный, будто ягненок. Иначе я бы вам его не советовал. Я, видите ли, его дантист. Является ко мне раз в год показать свои невероятные зубы. Честное слово, невероятные. Как у молодого тигра. Ни единой дырки.

– А глаза у него часом не зеленые?

– Это еще одна интересная черта. Глаза у него ясные, как у младенца. Зеленые? Да, пожалуй что и так. Одевается кошмарно, но каким-то образом всегда свеж, как ромашка. В общем, если вам нужно узнать что-то про деревню, никого лучше него не найти. Раньше она называлась Бридстейн – даже упоминалась в «Книге Судного дня»³⁰. Руины видели?

– Нет еще.

– Да там почти ничего и не осталось. Несколько стен, и те осыпаются. А от римского форта – и того меньше, да он к тому же и на холме. Не советую.

– Так его забросили... этот форт – или замок?

– Иногда Солдат говорит, что да. Но он частенько загадками разговаривает. У него самого непростая история. Моя матушка помнила, как он впервые здесь объявился. Уже тогда был старик. Сколько ему на самом деле, не знаю. Моей регистраторше врет, что шестьдесят, но, я думаю, гораздо больше. В общем, поймите его в хороший день, и узнаете много интересного.

– А в хороший день – это когда?

– В новолуние. Это сегодня. Покричите у него возле дома – внутрь он вас все равно не пустит. Придется на улице разговаривать. Номер семь, по Кузнечной, за старой...

– ...кузней, – закончил Джек. – Спасибо, мистер... мистер?

– Зуб, – вздохнул дантист. – Нет, лучше молчите.

* * *

В поезде на обратном пути Джек сообразил, что в колледж-то он за информацией даже не сунулся. Нет, он думал об этом – компьютеры там наверняка работают, да вот только студенту подготовительного курса придется практически по горящим угольям пройти, чтобы до них добраться. И с Люс он тоже не поговорил. Утром она рано сбежала в школу, улизнув от материнского конвоя, так что Сьюзи даже решила позвонить туда – убедиться, что ребенок благополучно прибыл на место. Выяснилось, что да, прибыл. Потом телефон зазвонил снова: кто-то хотел, чтобы Сьюзи сегодня же приехала на собеседование, – какая-то работа, на которую она подавала заявку (чем она там будет заниматься, Сьюзи не объяснила).

– Мне придется уйти, Джек. Заберешь Люси сегодня после школы, ладно? К тому же, ей это больше понравится: все-таки ее пригожий старший братец – не мама.

До конца занятий в школе еще оставалась куча времени – хватит, чтобы выследить мистера Солдата и загнать его в нору. Но сначала обед.

Во всяком случае, обед предполагался. Но стоило открыть дверцу холодильника, как случился разноцветный взрыв.

Джек завопил и отшатнулся назад, налетев на кухонный стол, где и остался стоять, хватая ртом воздух, пока двойная упаковка кока-колы, два пакета апельсинового сока и один – клюквенного морса, а за компанию с ними бутылка шипучего белого вина орошали остатками содержимого всю кухню, не исключая и его самого.

Оставить весь этот бардак Сьюзи у него не хватило духу. Записки про испорченные продукты в холодильнике и так уже будет довольно. А продуктам и правда не поздоровилось – если только вы, конечно, не любитель сырого хлеба, мокрого масла и холодных сосисок в соусе «апельсин-и-кола». Хотя фрукты и салат еще можно пустить в ход – если помыть. Интересно, а бекон моют?

Джек все еще свирепо таранился в холодильник, когда молочный пакет, до которого, видимо, доходило дольше, тоже решил выпалить крышкой ему в лицо.

---

³⁰ Другое название – «Книга Страшного суда» – свод материалов первой в средневековой Европе поземельной переписи населения, проведенной в Англии по приказу Вильгельма Завоевателя в 1085–1086 гг. – *Примеч. ред.*

Ничего не видя из-за молока в глазах, Джек выругался. К тому же молоко воняло. Вот вам, пожалуйста, теперь не только кухню мыть, но и самому в душ идти и переодеться.

Только в три ему удалось-таки выйти из дома и припустить бегом через деревню в Кузнечный переулок.

Улица оказалась мощенной булыжником. Дома – одинаковые, старые, узкие, вытянутые вверх, теснились друг к другу, как кусочки пазла. Большинство казались заброшенными, но даже среди них седьмой номер уверенно брал первый приз. Краска с двери облупилась полосами, окна за пожелтевшими, засаленными тюлевыми занавесками были почти черны от грязи. И, конечно, никакого звонка. Джек накинулся на дверной молоток, словно хотел вколотить что-то в доски.

Он думал, что никто не ответит, но тут тихо, как падает лист, дверь отворилась, и мистер Солдат выступил из тьмы на улицу.

У него и правда были зеленые глаза. Спасибо еще, не раскосые. И, как справедливо заметил дантист Зуб, невероятно ясные: белки – что твоя эмаль. Зато все остальное – старое и морщинистое, словно мятая бумага. Седые волосы стекали на плечи, закрывали лицо. Одежда смахивала больше на семидесятые, чем на викториану, но выглядела все равно так, будто он в ней спал, подумал Джек, причем спал в мусорном мешке.

– Вы говорили с моей сестрой.

– Правда? – у него был хороший голос, не слишком кичливый и тявкающий, как у местных богатеев.

Скорее, как у актера. Что же, он и сейчас играет?

– Да. Светловолосая девушка. Вчера.

– А, – мистер Солдат улыбнулся; зубы у него были точь-в-точь как сказал дантист. – Стало быть, она твоя сестра.

– Зачем вы хотели ее напугать?

– А я разве ее напугал?

– Нет, но...

– Я, кстати, некоторым образом хотел. Имел в виду, что ей надо вести себя осторожнее. Я... – он замолчал и закончил, словно бы извиняясь: – Я иногда не слишком связно выражаюсь.

– Вы пьете?

Это прозвучало так злобно, что мистер Солдат удивленно возрился на Джека.

– Да нет, не то чтобы часто. Не могу себе этого позволить. Я просто хотел сказать, что не всегда в себе.

– Полиция про вас знает? Может, вам в больницу надо, лечиться?

– Все нет. Никакого беспокойства от меня обычно не бывает.

– Вы причинили беспокойство моей сестре.

– Вряд ли это я его ей причинил, – возразил мистер Солдат. – Возможно, и так уже поздно. Хотя, может быть, и нет.

Джек зарычал и занес кулак.

Мистер Солдат и бровью не повел.

– Кое-что интересуется ею, – тихо сказал он. – Хочет ее себе.

– Кто? Откуда вы знаете?

– Со мной было то же самое. Когда-то они интересовались мной.

– Да кто такие эти они?

Мистер Солдат неожиданно плюхнулся на колени. Он облизал палец и собственной слюной написал на крупном булыжнике одно-единственное слово.

Джек вытаращил глаза. Слово было «ЭЛЬФСКОЕПЛМЯ».

– Эльфийское...

– Нет!

Мистер Солдат вскочил и воскликнул со странной гордостью:

– Не называй их. Звать их можно только «Дамы и Господа» или «Королевские Особы». В Ирландии про них говорят еще «Добрый Народ» и «Маленькие Люди». Или еще «Благородные».

Джек широко раскрыл глаза.

– Фэйри что ли?

– Ах, еще и это имя... Ну, хорошо. Да, в некоторой степени. В сказках и легендах фэйри крадут человеческих детей. Именно этим они и занимаются – те, которые у нас здесь.

– Вы точно сбрендили, – Джек даже отшатнулся.

– Они и меня когда-то похитили. Да. Хотя, поверь мне, я хотел с ними уйти. Они делают так, что ты сам хочешь уйти, – и желание это невыносимо. Они стары, будто холмы; прекрасны, как утро. С виду они юны, как дети или подростки, – потому-то и любят смертную молодежь. В их стране ты вечно остаешься молодым... и бессмертным. А живут они под холмами, там у них настоящий рай...

– И на что похож этот их рай? – сурово спросил Джек.

– На самое лучшее и чудесное место, какое ты только можешь вообразить, – и еще лучше.

Солнце пекло Джеку голову. Слово «ЭЛЬФСКОЕПЛМЯ» уже растаяло на камне. Перед глазами у мальчика все слегка плыло. Надо схватить этого старика за плечи и как следует встряхнуть... или... уж не начинает ли он ему верить? Не будь дураком, Джек!

– Значит, – сказал он холодно и очень по-взрослому, – эти твари хотят увести Люси с собой, как хотели увести вас, когда вы были маленький. Только вы взяли и не пошли.

– Еще как пошел.

– Вы... что?

– Слушай. Что-то дает им право забрать ребенка. Тогда – меня. Теперь – твою сестру. В старом римском форте есть один камень. Его специально там поставили, в самом конце эпохи цезарей. Он посвящен богине света, Брид. Когда империя закончилась, он так там и остался. Эти края всегда принадлежали Им, но камень хранил деревню и хранит до сих пор, пока...

Джек шумно сглотнул.

– В замке жил норманнский военачальник, – негромко продолжал старик. – Он продал свою младшую дочь и сына Благородным в обмен на богатство и удачу. Он получил, что хотел, но потом про это прознали его рыцари и выдали нечестивого отца церкви. Его сожгли за колдовство, а замок был покинут и проклят. Даже самая добрая удача рано или поздно заканчивается.

– Удача... – тупо проговорил Джек. – Богатство...

– Прошло много времени, и однажды сын лорда вернулся. Благородным пришлось его отпустить, потому что удача отвернулась от норманна. Они не хотели этого, да и мальчик не желал уходить от них. Стоило ему вдохнуть воздух этого мира, как он сделался стар, как холмы... но все-таки продолжал жить. Бессмертия хватило, чтобы сохранить ему жизнь, но не юность. Он и сейчас еще здесь. И, может быть, обречен жить вечно.

Лицо говорившего было словно из резного камня. Джек сделал шаг назад.

На церковной башне часы пробили четыре. Они далеко не всегда били вовремя, но тут колокольный звон вдруг наполнил Джека глубоким, беспричинным ужасом. Он почти сразу понял почему: Люс.

Джек стрелой кинулся вверх по переулку и помчался в школу.

* * *

Она исчезла. Учительница на засаженном деревьями дворе сказала ему, что видела, как Люси убегает. Подружка попыталась уговорить ее пойти вместе посмотреть чьего-то нового жеребенка, но Люс ответила, что сегодня ей срочно нужно домой.

Джек скорее припустил туда.

Мысли так и колотились у него в голове на бегу. Норманны... римляне... алтарь Брид, давший имя деревне, защита... Люс так нужно было в поле, что она выпрыгнула из окна... пела там все эти вечера в сумерках – сама себе? Или кому? Та белая фигура среди колосьев – удивленная, терпеливая... алчная? И Сьюзи вдруг взяла и выиграла в лотерею – вот так удача!

Когда он ворвался в дом, Сьюзи едва успела скинуть туфли после дороги и пила воду из бутылки.

– Джек! Работу мне не дали, но зато есть новости получше! Я встретила в городе Кена Эйнджела – ну, помнишь, я тогда еще на телевидении работала? Он специально приехал сюда искать место для съемки. Он сказал – ни за что не угадаешь! – что хочет меня в этот проект. Всего пара строчек, но... Ты чего на меня так удивленно смотришь? Я, между прочим, все еще могу играть...

– Люси здесь? – перебил ее Джек.

Раскрасневшееся лицо Сьюзи враз побелело. Бутылка с водой полетела на пол. Некоторое время Джек смотрел, как та плещет из горлышка по ковру.

– Ты о чем? Естественно, ее здесь нет, ты же сам только что забрал ее из школы... ты ведь забрал?

Когда Джек закончил объяснять, что Люси ушла сама, ужас уже вымел все прочие выражения с маминого лица.

Даже... даже если хотя бы что-то из этого правда, Сьюзи не может быть в этом виновата. Она же... ни с кем не встречалась, не заключала никаких договоров.

А Сьюзи уже колотила по кнопкам телефона.

– Черт, связи нет... ну, почему именно сейчас! Где мой мобильник?..

Содержимое сумочки полетело прямо в лужу воды на полу. Сьюзи буквально вонзила ногти в кнопки.

– Ты звонишь в полицию...

– Нет, блин, в доставку пиццы! А ты как думаешь?!

Что-то украдкой проскользнуло к Джеку в голову. Лисы в Лондоне... прямо на улице ранним утром... спящие в садах. Человек захватил так много дикой природы, что теперь лисам пришлось прийти жить туда, где царствовал он.

Может быть, и Они так? Может, им нравится ютиться поближе – да хоть вон в этом самом лесу за забором? Ждут своего шанса, тарашатся оттуда на паб, названный их именем, любят на крикет на лужайке, на поезда? Ждут. Вдруг им что-нибудь перепадет...

Нет, безумие какое-то.

Джек стоял, борясь с собой, когда вдруг заметил, что Сьюзи молчит.

– Нет сети, – безжизненным голосом сказала она, и через мгновение: – Ты куда собрался?!

А что он мог ей ответить?

Ничего.

Джек кинулся в кухню, распахнул заднюю дверь и выбежал вон. Сзади неслись гневные и испуганные вопли матери. Нет, только не останавливаться.

Скакать через забор он уже наловчился. За спиной по садовой дорожке топотали мамины босые ноги. Поля распахнулись впереди, как стена сухого белого пламени, в которое он и нырнул – словно отчаявшийся мотылек.

* * *

Они были здесь.

Он чувствовал их повсюду – незримых, но внятных, будто какое-то первобытное шестое чувство вдруг включилось у него внутри. Хотя, будем честны, оно включилось уже давно, с самого приезда.

Джек остановился, потом решительно стал проталкиваться сквозь колосья. За каждым снопом угадывался чей-то взгляд. Зеленые глаза... волосы сливаются с белизной поля... Зато когда они дают себя увидеть, от них словно бы исходит свет.

Нет смысла думать, что ты сошел с ума. Джек знал, что все это реально.

Над полями вставал лес, темно-зеленый, испещренный изумрудно-золотыми бликами солнца.

Джек стремительно шагал сквозь тени и свет, зорко глядя во все стороны. Птицы пронзительно кричали, предупреждая; белки скакали над головой. Бессердечные слуги того, что на самом деле рыскало под этим пологом.

Горячий неподвижный воздух словно звенел издевательским смехом. Время от времени Джек звал сестру. Имя звучало как-то пусто и гулко.

Бесполезно... но почему-то так было надо. Тошнотворная тяжесть собиралась где-то в животе. Он отказывался думать о Съюзи. Бесполезно, нет смысла... но он все-таки должен идти. Интересно, сколько раз с тех пор, как тут вообще поселились люди, кто-то вот так же, как он сейчас, брел по холмам и выкрикивал чье-то имя, зная, что надежды нет...

Солнце клонилось к закату. Он бы сейчас убил за ту взрывчатую колу – естественно, это было Их рук дело... как и молчащие телефоны? Какой-нибудь психоэлектрический эффект типа полтергейста.

Джек остановился. Под ногами были темные древесные корни, мох, папоротники, а дальше, впереди, довольно широкая дорога убегала, озаренная солнцем, в чашу лесов.

Ощущение, что на тебя смотрят и смеются, немного ослабло. Зато под деревом стоял человек, обычный, смертный.

– Слава богу, вот и ты.

– Мистер Зуб, дантист, – в смятении отозвался Джек.

– Спасибо за неизбежный юмор. Давайте попробуем «Алан», если вы, конечно, не против.

– Юмор?.. А, Зуб, – дурачки пробормотал Джек и разразился детским хихиканьем, сам себя за это ненавидя.

После чего согнулся впополам, и его вырвало.

Когда он закончил, Алан Зуб протянул ему неоткрытую бутылку воды. Джек выхлебал ее залпом – это помогло.

– Как вы-то здесь, к черту, оказались? – поинтересовался он.

– Кажется, все у нас ходят этой дорогой. Она зовется Путем Благородных – старая тропа, спрятанная под полями и деревьями, совсем заросшая. Но если знать, куда смотреть, еще можно отыскать следы. Я, знаете ли, археолог-любитель. Именно здесь я впервые встретил Солдата. Что до вас, молодой человек... после нашей беседы я кое-что понял, внезапно, в перерыве на чай. После чего отменил пару несрочных пациентов и сам наведлся к Солдату – где и уверился в своей догадке.

– Так вы знаете... Это, что, правда происходит?

– Да, думаю да. Такое нечасто случается. Это первый раз почти за полвека. А тогда полиция все прочесала. Сказали, простое похищение ребенка, обычное человеческое преступление. Но они ошиблись. Мне рассказала мать: пропал мальчик – двенадцать лет, очень светлые волосы. Они, видите ли, предпочитают тех, кто больше всего с виду похож на них.

– Он... Солдат сказал, это должен быть обмен, сделка.

– Не обязательно. Скорее, определенная разновидность *желания*. Мать того малыша говорила всем и каждому, что не хотела его, жалеет, что родила, устала от него до смерти, а ей бы другой, нормальной жизни. Забавно, что когда мальчик пропал, полиция ни на мгновение ее не заподозрила. А потом мать нашла себе мужчину с полным карманом денег и быстренько выскочила за него.

Джек поскорее оперся о ближайшее дерево, чтобы мир вокруг перестал кружиться.

Так вот, значит, кто продал Люс – или, если на то пошло, завел себе желание, сумевшее сломать защитную магию камня богини Брид. Майкл. Сюзи бы ни за что в жизни не пожелала, чтобы ее семья куда-то делась. Она-то была счастлива. Но Майкл придумал ей новый образ, новую личность – женщины, которая ненавидит своих детей и только того и хочет, чтобы ее прежняя жизнь вернулась. И вот эту-то Сюзи он и бил... и всю дорогу рассказывал им, как они все его достали. Достаточно сильно достали, чтобы встать, и выйти за дверь, и никогда больше не вернуться. Этим желанием он зачеркнул свою судьбу неудачника – и им тоже немного перепало, с краю. А дальше их потащило в ближайшее место, где с них могли взять плату за новую Майклову удачу. Джек помнил, как они трое копались в проспектах риэлторской конторы. Сюзи и Люс так и вцепились в Брайдстоун, как только его увидели.

– Пошли, – сказал Алан Зуб. – Надо отвести тебя домой. Ты нужен маме.

– То есть искать... надежды нет?

Алан спал с лица. Он и сам-то сейчас выглядел не особенно взрослым.

– Может, и есть... но лучше предоставить все полиции.

– Но вы же сказали...

– Я знаю. Но судя по архивным записям, никто из них так никогда и не вернулся. Даже тел не нашли.

– Если только они не пришли потом сами – много столетий спустя, как Солдат.

Из леса раздался голос. Джек и Алан так и подпрыгнули.

– Пробыл час новой луны, – сказал Солдат. – На холм высочайший идемте. Молчанье храните.

Он показался из тени деревьев – ликом святой и светлый, будто вырезанный на надгробии рыцарь. Время и память изменили его речь, и сам он тоже изменился, представ перед ними могучим, почти неодолимым.

* * *

Взбираться на холм оказалось нелегко. Скальные выступы, буки и бузина то и дело заступали дорогу. Все склоны укрывала длинная перепутанная трава. Далеко позади золотое солнце тонуло в пейзаже, унося с собой свет.

– Узрите, – сказал Солдат. – Она взошла.

Над вершиной холма возник месяц, еще совсем бледный в лучах заката.

Останки форта под ним словно выросли из самой скальной породы.

– Там сокрыт вход в их царство, – закончил Солдат.

– Да, – кивнул Алан, – говорят, что он прямо под этим холмом. Вот почему у римлян здесь не заладилось, так что им даже пришлось привести друидов – неслыханное дело. Они обычно не слишком дружили. Это друиды придумали установить камень Брид – римские-то солдаты все больше Митре поклонялись. Да только не здесь.

Алан среди них троих казался ученым, а Солдат – безумцем. Кто же Джек? Он даже не понимал, зачем они сюда пришли... но зов был очень силен.

Может, Им нравится, когда кто-нибудь видит, на что Они способны, как Они прекрасны, как умны...

Ночь выжала из мира последний лучик солнца; они как раз выбрались на вершину. С Джека и Алана пот катил градом – а с Солдата нет, хоть он и выглядел раза в три старше Алана. Меркнувший свет уже стал настоящей тьмой. От камней, деревьев, от самого неба, казалось, по траве покатались тени. Луна стала лишь еще ярче – ослепительная прореха во мгле.

Впереди высились шербатые римские стены. Время и ночь лишили их очертания всякой формы и логики. Фрагмент арки парил над головой, а за ним расстился поросший травой двор, судя по всему, недавно пощипанный овцами. Ниже по склону Джек разглядел бесформенный камень.

– Вот он, – выдохнул Алан. – Тот самый камень. Алтарь.

– Сюда они всегда придут, – тихо промолвил Солдат, – похвастаться победой Камню, трофеи обрета. Да будет милость Божья с нами! Вот и они.

Джек вперился во тьму; волоски встали дыбом у него на руках и на шее.

Сквозь текучие тени проступало что-то бледное и сияющее...

Теперь он видел их.

Благородных...

Эльфийское племя.

Считать он даже не пытался, но, кажется, их было четырнадцать – по числу лет Люси. И да, они были прекрасны. Кожа – как жемчуг, волосы – как озаренные луной облака. Некоторые очевидно были мужчинами, другие женщинами, но одевались все одинаково – во что-то туманное, обтекающее тонкое тело, но в то же время струящееся... и драгоценности были на них – ничего подобного он в жизни не видел и даже представить себе не мог – с огромными слезами света внутри. При них были кинжалы и мечи из какого-то серебристого металла, что не мог быть сталью. И пока Джек глядел, зачарованный, среди сияющих фигур показалась Люси – волосы ее украшали цветы, как у них.

Он хотел закричать, окликнуть ее. Благородные вокруг улыбались и смеялись, и она с ними. Смех, словно серебряные колокольчики и серебряные же клинки...

Разум Джека вопил в темнице парализованного тела, но двинуться он не мог – и Алан, кажется, тоже.

А Благородные меж тем пустились в торжественный пляс по холму. Минуя алтарь, они кланялись, и поклоны их были полны изысканнейшей издевки.

Вроде бы Алан прокаркал что-то...

– Смотри! Видишь?

Там, за алтарем, показалось что-то еще... дыра в пустоту, но в самом ее конце, как в тоннеле, мерцал, зовя, изумительный свет.

– Это врата... путь в мир под холмом.

Джек сражался, сердце ревело в груди, ноги не двигались с места... – но его бой словно бы освободил что-то другое, снаружи... кого-то другого.

– Вот я, здесь! Ваше дитя, которое вы любили, и которое любило вас, сотни и сотни лет! Тот, кого вы отправили в изгнание, кто заблудился в этом мире – в аду, что так близко от вашей небесной страны.

Солдат был уже среди них. Он двигался с невероятным изяществом... – он двигался, как они! – не как старик, одетый, будто из мусорного бака. И он говорил с ними на языке, какого Джек никогда не слышал – какой-то заковыристый германо-франкский, – но почему-то каждое слово было ему понятно.

– Оставьте то, другое дитя, – обратился Солдат к Благородным, царственно надменный, как они. – Неужели она вам нужна? Невежественная, неотесанная, ничего не знающая о вашей славе. Заберите меня обратно, прочь из этого скорбного мира. Я так вас люблю! Я уже научился здесь всему, чему должен был. Я – книга, которую вы сможете читать тысячу лет!

Создания на холме замерли. Они устремили безмолвные взоры на Солдата.

– Это же просто глупый сумасшедший старик! – вдруг обидчиво захныкала Люси.

Одна из фигур легко ударила ее по лицу. Ни слова ей не сказав, Благородный обернулся к Солдату, наклонился и дохнул старику в рот. И без единого звука Джек понял, что сказало создание: «Давай же вспомним, каким ты был. Мы сравним и решим».

И оно случилось – прямо у Джека на глазах. Возраст и тлен опали с лица Солдата, словно старая шелуха. Он стоял перед ними, стройный, будто копье, златокожий и безупречный, с волосами цвета солнца до самого пояса – мальчик тринадцати лет.

«Да, – молвил беззвучный голос, – этот лучше».

Со смехом оглянулся Солдат на Джека и Алана, приставших к земле, и окинул их зеленым взором.

– Прощайте, люди грязи. Прощай, мир праха. Знайте, что вы ни за что не получили бы ее назад, если бы они не любили меня больше.

Свет ударил в холм, как тараном. Деревья и стены неоновом полыхнули и погасли.

Их больше не было – существ из холма и старика, ставшего мальчиком. Только одна бледная фигура осталась лежать на траве.

Оцепенение спало с Джека.

– Люс!

Когда он притронулся к ней, она открыла глаза и одарила его сердитым взглядом.

– Зачем ты разбудил меня, Джек? Который час? – и, удивленно, но ничуть не встревоженно: – Что я здесь делаю?

Джек был не в силах вымолвить ни слова. Алану пришлось наврать ей что-то на тему, что она, мол, пришла сюда на спор. Слушая, она, казалось, верила ему, вспоминала даже какой-то спор – и больше ровным счетом ничего... необычного.

* * *

Нет, после Алан и Джек, конечно, поговорили. Теперь у них была тайна, которую им предстояло вечно хранить от Сьюзи – и от Люс тоже.

– Дело совсем не в том, что они любили Солдата больше Люси, Джек. Дело в том, что это вы со Сьюзи так сильно ее любили. Та женщина, которая ненавидела своего сына... Я думаю, Солдат ни за что не смог бы с ним поменяться, даже если бы попытался. Думаю, он и предупредил ее затем, чтобы она уж наверняка это сделала – сам знаешь, какими бывают девчонки. А может статься, он тогда был немного больше в себе, чем обычно, и правда хотел предотвратить похищение. Хочешь знать, была бы она там счастливее? Да. Но так не положено. Нам полагается жить *здесь*.

Теперь Джек и Алан частенько болтали друг с другом – с тех пор, как Сьюзи с Аланом стали *парой* и семейство перебралось в город. Сьюзи теперь репетировала роль в телесериале Кена Эйнджела – и там точно не было никаких фэйри.

Где-то год спустя полиция Глостера обнаружила обугленные останки джипа «Чероки» – внутри было тело Майкла. Машина слетела с проселочной дороги и врезалась в какие-то деревья. Майкл, сказали они, погиб мгновенно, а пожар случился уже потом. По данным следствия, расставшись со Сьюзи, он разбогател – как и почему, выяснить так и не удалось. Прямо настоящая тайна.

Но Джек-то знал – точнее, они с Аланом знали, хотя никогда ни словом об этом не перемолвились, – почему на Майкла свалилось внезапное богатство, краешком которого зацепило и Сьюзи. И что он не был мертв, когда загорелась машина, – тоже знали. Нет, как и Солдатов отец, норманнский военачальник десять веков назад, Майкл сторел живьем.

Танит Ли родилась в 1947 году в Лондоне (Англия) и начала писать в девять лет. В 1970–1971 гг. увидели свет три ее книги для детей. В 1975-м издательство «Ди Эй Даблю Букс» опубликовало ее роман «Восставшая из пепла», а затем и еще двадцать шесть книг. Так работа писателя стала основным делом ее жизни. Сейчас из-под пера Танит Ли вышло уже шестьдесят два романа и девять сборников новелл и рассказов (общим числом более двухсот). Четыре радиопьесы Ли транслировала в Великобритании компания «Би-Би-Си». Кроме того, Танит написала сценарии к двум эпизодам культового телесериала «Би-Би-Си» «Семерка Блейка».

Ли дважды получила Всемирную премию фэнтези в номинации «Лучший рассказ», а в 1980 году была удостоена Премии Августа Дерлета за роман «Владыка смерти».

В 1992 году Танит вышла замуж за писателя Джона Кейина – ее партнера с 1987 года. Сейчас они живут в Юго-Восточной Англии в компании двух кошек – черно-белой и сиамской³¹.

Адрес ее сайта: www.tanithlee.com

От автора

Впервые идея этого рассказа пришла мне в голову в семнадцать лет. Тогда мне казалось, что все дикие земли Англии уже захвачены человеком, и фэйри, подобно лисам, лягушкам и совам, теперь приходится жить рядом с нами – прямо в наших полях и садах... Эльфийское племя предстало перед моим мысленным взором и с тех пор уже не покидает меня вот уже почти сорок лет.

Танит Ли

---

³¹ Танит Ли скончалась 24 мая 2015 г. – *Примеч. ред.*

Твои глаза-гранаты

32

Каждую ночь, думая, что я сплю, папá плачет. Особенно в грозу, когда дождь грохочет по нашей жестяной крыше так, словно кредитор требует, чтобы его впустили. По всей Бразилии пальмы яростно машут листьями, будто большущими тряпками, пытаюсь вытереть небу слезы. Я на цыпочках крадусь по коричневому ковру – он такой истертый, что похож на лысеющую макушку. Я – кошка на мягких лапах. Кошки – они же тоже полуфэйри, совсем как я. Я утыкаюсь лбом в кухонную дверь, медля войти и отнять, наконец, у папá бутылку с виски. Он плывет водами горькой реки виски и слез – мой смертный отец.

Моя фея-мать, Аврора, любила забирать из молока всю его роскошную красоту, оставляя нам только пустую белизну. Аврора покупала бусины – низать мне браслеты, – но краля из красок всю их яркость. Она высасывала сок из папайи, жгучесть из перца. Но хуже всех ее краж была сила из отцовских костей.

Сегодня я пожарила бобовые пирожки с креветками и нарезала ломтиками ананас, мягкий, как масло, – но он к ним даже не прикоснулся. Говорит, только прикосновение моей матери спасет его. Я ору в ответ, что прошло уже три года с тех пор, как она нас бросила, а по счету фэйри два месяца равняются двум сотням лет, так что давай, считай сам, я уже устала. Она же чертов дух, светлячок, отрывка болотного газа, аккордеон из искр, что летят из костра вверх, – хватаешь его обеими руками, жмешь со всей силы, ждешь музыки, а он взрывается тебе в лицо. Аврора была рождена из воды... Когда идет дождь, папá думает, что она превратилась в тучу иголок, которые летят с небес специально, чтобы жалить его.

А как он осыпал ее подарками! И она отблагодарила его, сбежав от нас.

Я умоляю его сходить к ма-де-санту³³ – она будет плясать под бой барабана и погрузит его в транс, чтобы он смог вернуть себе себя. Но он говорит: «Я не хочу, чтобы из меня ушла Аврора».

Будто лосось, пробивая себе путь против течения отцовской печали, я возвращаюсь к себе в комнату. Лососи тоже полуфэйри. Они сражаются с течением в надежде спасти свою розово-оранжевую, коралловую плоть, отважные, как цвет розы.

Я знаю чары, которые могли бы починить отца – починить его *кем-то новым*. Мамá говорила, что если надушиться примулой, привлечешь к себе первого, кто окажется рядом, как гвоздь к магниту.

На фабрике, где я работаю, есть целая бутылка масла весенней примулы. Туристы специально приезжают к нам, в Сальвадор, покупать зеленые свечи, если не хватает денег, и голубые – для прибавки здоровья. Желтые исцеляют раненую дружбу. Но масло примулы мы бережем для тех немногих красных, что для страсти, – они стоят дороже всего и к ним в комплекте идет письменное предупреждение. Когда льешь примулу в чан с воском, надо надевать маску и перчатки.

Я выбрала подругу, Шани, чтобы помочь папá забыть мою мать. Шани – вдова, мы вместе работаем. Ей сорок, вдвое старше меня, но пляшет она чуть ли не лучше всех в карнавальном процессе. Муж ее был красивый ныряльщик, он мог по три минуты не дышать под водой – всякий раз думаешь, вдруг он там жемчужину нашел. В общем, как-то раз он не всплыл. Черные волосы Шани всегда сияли, словно водопад, но теперь потускнели. Раньше она носила

---

³² “Your Garnet Eyes” copyright © Katherine Vaz, 2004. Осипов И. Г., перевод с англ., © 2018.

³³ Ма-де-санту (*порт.* Mãe-de-santo) – женщина-священник в афро-бразильских религиях. – *Примеч. ред.*

такие длинные, качающиеся серьги, но сейчас ей все равно. Я, бывает, кричу через весь цех: «Ша-а-а-ни-и-и!», – а она иногда даже глаз не подымет.

Я украла с полки примулу. Бутылочка была маленькая, синего стекла, с пробкой. Я ее сунула в сумочку – соломенного аллигатора – и пущего праздника ради (есть во мне мамина искорка, признаю) намешала красной и синей краски в чан с воском, так что получился запретный пурпурный. Шани захихикала и присоединилась. Я как раз разукрашивала белые свечи полосками, когда ворвалась наша начальница, Долорес, и задала странный вопрос:

– Тереза Сильва! Ты что творишь?!

– Художничаю, – честно ответила я.

– Пурпурный – для ревности, и не говори, что ты этого не знала! – завопила она. – И потом, почему на тебе нет сетки для волос?!

– Потому что она уродская, – объяснила я.

Другая причина заключается в том, что она похожа на рыбацкую сеть, в которую отец поймал мать, но эта карга, пожалуй, обойдется без сводок из моей личной истории.

– Пурпурный еще означает королевское достоинство, – встряла Шани.

– А ты утихни! – бросила Долорес.

– А ты оставь мою подругу в покое! – сказала я.

Сами видите, с чем приходится мириться, чтобы заработать себе на пропитание.

Волосы у Долорес оранжевые и измученные краской, а тело так и прет наружу из тесной одежды, будто велосипедные шины уложили штабелем, а сверху еще жирную голову приделали. Родинка на щеке сильно смахивает на жука.

– Ты бы лучше не зарывалась, сеньора Сильва! – погрозила она мне пальцем и затопала к себе через весь цех, помахивая задницей, как двумя засунутыми в эластичные штаны баскетбольными мячами.

Стоило схлопотать выговор ради удовольствия поглядеть, как Шани смеется. У соломенного аллигатора брюхо так и раздулось от примулового масла. Заходи к нам ужинать, сказала я Шани, и она была в таком счастливом настроении, что возьми да и согласишься.

Пока отец вкалывал на рыбном рынке, бинтуя лобстерам клешни, я натянула резиновые перчатки, обмакнула края наших специальных парадных салфеток для ужина – тех, что с кружевами – в масло и дала им высохнуть на солнце, потом свернула и положила у приборов. Отец с Шани вытрут губы после еды, уставятся через стол друг на друга, а дальше их уже не растащишь.

Я решила сварить крабов и сделать пальмовый салат. Попугай сел на окно и принялся болтать о чем-то с райскими птицами у нас в саду, а душа моя до краев наполнилась радостью, почти неземного толка... пока до меня не дошло, в чем дело: лицо-то я прикрыть забыла, и у меня давно уже полны ноздри запаха примулы.

Я стремглав кинулась к сундуку с маминым приданым и схватила флакон со средством для глаз. Ни за что не хочу влюбляться – поглядите только, что с папá сделалось! Я втерла бальзам себе в глаза, чтобы суметь проглядеть сквозь чары прямо в душу. Фэйри это могут безо всякого умощения, человеку его надо очень много, а полукровке – всего чуть-чуть. Обычно у людей внутри всякий мох, лохматые перья и пауки на паутинках качаются: одного взгляда на такое хватит, чтобы в панике кинуться наутек.

(Даже думать не хочу о том, что я сделаю, когда действие капель закончится... Злая ты все-таки, мамá... злая и глупая. Маловато ты оставила дочке в наследство.)

Я погладила крышку ее сундука. Мерцающее, лоснящееся вишневое дерево, красное-красное, будто оно долго бежало и все запыхалось.

Пока я рубила крутые яйца и пикули, чтобы смешать потом с уже готовым крабом, нож у меня в руке дрожал. Даже с тряпкой, повязанной вокруг носа и рта, салфетки дышали примулой, словно кузнечные мехи. Мне определенно требовался свежий воздух.

На базаре у залива я купила бумажную лодочку, красную губную помаду и гребешок в виде павлина – у мальчишки-разносчика по имени Зе. Его черные ноги были в белый горох – от пузырей.

– Ты чего такая грустная? – поинтересовался Зе.

– Грустная? Вот еще, я не грустная, – сказала я (губы у меня при этом дрожали).

Он прогулялся со мной до берега, держа за руку. Мы положили помаду и гребень в лодочку и отправили ее по волнам в дар Йеманье, богине океана.

Сложив из ладошек рупор, Зе прокричал в море:

– ЙЕ-Е-Е-Е-МАНЬ-Я-Я-Я-Я-Я!

– Я-Я-Я-Я... – ответили волны.

Зе спросил, уж не фэйри ли я, из асраи. Может, поэтому глаза мои всегда смотрят вдаль? Потому что я скучаю по дому?

– Нет, я не асраи, – сказала я. – А вот моя мама – да.

Раз в каждые сто лет асраи прощаются с Йеманьей и поднимаются из своих подводных домов на поверхность, чтобы смотреть на луну и расти. В большинстве пробуждается жадность, и они распухают, пока не лопнут миллионами искр, которые прожигают себе дорогу назад сквозь волны... но мамá, всплыв из моря, смотрела на луну ровно столько, чтобы стать человеческого размера, и тогда оторвала взгляд от небес и встретила глазами с моим отцом – он был один-одинешенек, в лодке, и тащил из смутных глубин ловушку с омарами.

Пятясь от линии прибоя, мы с Зе всю дорогу хихикали. Никогда не поворачивайся спиной к Йеманье! Она хочет видеть твои глаза, пока ты не скроешься из виду, потому что тщеславна, как моя мать, и вечно любит себя – вот почему про океан так часто говорят, что он полон мерцающих зеркал.

Интересно, мамá сбежала обратно в свой морской дом?

Или, может, рванула прочь сквозь те щели в воздухе, что соединяют наши часы с бесконечным временем иного мира? Говорят, что только влюбленный человек или дух может проскользнуть туда, в тончайшее подбрюшье неба.

Как-то раз мы катались втроем на лодке по Амазонке. Грива папиных волос развевалась по ветру, а очки в проволочной оправе кидались острыми зайчиками, словно кинжалами, и мамá сказала:

– Время лопается, как переспевший плод.

С этими словами она сорвала манго с низко висящей ветки и дала мне.

Наверное, я любила ее тогда, потому что, ей-богу, провалилась в такую трещину во времени. С чего бы еще мне чувствовать себя так, будто во мне нет никакого веса и я парю в небесах?

Я сказала Йеманье, что мамá мне больше не нужна, что у меня теперь другие планы, чмокнула Зе на прощанье и поспешила домой.

В окно мне открылся такой вид, что я встала как вкопанная. За столом, вытирая подбородок кружевной салфеткой, пожирая краба, жадно глотая белое вино, восседала Долорес, и ее достойный Годзиллы тыл грозил прорвать один из наших тростниковых стульев. Отец в запотевших очках целовал ее лицо. Она что-то пробулькала в ответ, возможно: «О, Жиль, старый ты лис! Ах, какой ты милый!». После чего ухватила его сочно за коричневую щеку и как следует ущипнула. Я стояла, гадая, то ли мне сейчас в обморок свалиться, то ли сплевать.

По брусчатой дорожке ко мне подошла Шани в небесно-синем льняном платье. Женщина симпатичная, но благоразумная наденет такое на свою вторую свадьбу – на сей раз с приёмом в саду.

– Ты опоздала, – только и сказала я.

– Надеюсь, не слишком? – она протянула мне букет азалий и улыбнулась; в волосах ее горном алел гибискус. – Я слышала, Долорес собиралась заскочить, пожаловаться твоему отцу, что мы сегодня учинили на работе, и решила подождать, пока она уйдет.

Отцовские подарки матери, за все их годы: насекомые в янтаре; ониксовые ожерелья; ленты – повязывать на запястье, чтобы загадывать желания. Кокосовые сласти, гармоники, индейские «дождевые флейты», компакт-диски с самбой.

– Стой, Жиль, стой, не надо! – говорила она. Но он настаивал.

Он купил ей костюм какаду – выступать на параде в честь карнавала: желтое бикини все в блестках, головной убор размером с миндальное дерево, рассыпающее лепестки, будто снежинки.

– Стой, стой, прекрати!

Он ставил ее на стол, так что голова ее тонула в полной луне, пылающей сквозь оконное стекло: ослепительный диск теперь покоился на ее плечах. Вся – жар и свет, Аврора смеялась в руках отца. От радости? От сознания собственной власти?

А почему нет? Жиль Сильва любил дарить ей луну и одевать в ночь.

Мы с Шани сидели на пляжном полотенце. Она делала вид, что никакого жуткого шоу там, по соседству, не показывают. Манящие крабы изрыли песок дыхательными норками, так что он теперь весь гляделся щербатым, но и этот вид был получше, чем мой отец, танцующий с Долорес. Крабы песчаные струйки ударялись в голые спины – это люди пришли насладиться празднеством Йеманьи и сидели теперь, лакомясь жареными на шампурах креветками и свиной из многочисленных ларьков с едой навynos.

Ох, папá, папá! Ты, конечно, стройный и крепкий, но, сделай милость, надень обратно рубашку. Телеса Долорес втиснуты в бикини с кисточками, которые раскачиваются в ритме о-о-очень нарочитого танго, исполняемого этими двоими в чаще полотенец, голых животов, ног и рук, лоснящихся от кокосового лосьона. Солнце льет на всех горячий белый сироп, а шхуны и каноэ медленно дрейфуют от берега на глубину, унося тиары, серьги, сласти, обсыпанных блестками морских звезд и заколки для кудрей Йеманьи. Может, она передаст моей матери браслет из синего металла, который я ей послала? Бумажные цветы качаются в волнах, как пестрые медузы; краска с них тает и поднимается облачком на поверхность... а потом они тонут.

– Вот ведь задница, – говорит Шани.

– Я в курсе, – отзываюсь я. – Хуже всего, что нам с ней еще на работе общаться.

Струя пены стреляет к небесам – фэйри иногда взлетают вот так в дельфиновых фонтанах, чтобы поглядеть по сторонам.

– Да я про твоего отца, – говорит Шани. – Он красивый, все говорят, что лучший ловец омаров в округе – а это значит, он умеет расколоть твердое, чтобы добраться до мягкого и сладкого... У него такие славные длинные волосы и добрые глаза, но ведет он себя, как... ну...

– Полный придурок? – подсказываю я, краснея в цвет губ Йеманьи... после всей этой помады, которая сегодня пулями сыплется в ее подводное логово.

– Прости, – говорит Шани. – Наверное, мне бы лучше заткнуться.

Я злилась на нее, но ведь стань она и вправду моей мачехой, мне пришлось бы выдать ей право лицезреть папá как он есть в любой момент времени. Ее черные волосы заплетены в сияющую косу, а из-за стринг-бикини цвета кобальта на боку виднеется пятно, винно-красное и в форме звезды. Разве папá устоял бы против такого? Может, он и придурок, но...

Тут как раз Долорес... запела? Заржала? Заухала? Или это отец? Нет, надо срочно что-то предпринять, пока он не опротивел Шани настолько, что уже никакая примула не поможет.

Я договорилась, что папá отнесет омара Шани домой, и сказала непременно показать, как его открыть.

– Да какая бразильянка не знает, что делать с дарами моря? – возмутился он.

– С тех пор как утонул ее муж, водяные твари ее только расстраивают, – с достоинством возразила я.

Пока он переодевался из рыбацкого резинового фартука и галош, я щедро умастила клешни примулой. На этот раз на мне были перчатки и маска – выглядела, что твой хирург-маньяк.

Я честно собиралась достать из маминогo вишневого сундучка то снадобье и залить отцу в глаза, чтобы он увидел, наконец, что внутри Долорес – уголь, а дух Шани чист, как глоток воды. Да, я намеревалась аккуратно удалить из уравнения Долорес... Уговорить отца взять капли для глаз будет нетрудно: отраженный от моря свет жжет ему глаза, как всякому рыбаку, так что я всегда ему кладу с собой капалку с лекарством: он, конечно, большой и сильный, но в таких вещах – сущий ребенок. Проблема только в том, что запас подходит к концу, а мне бы еще и о себе подумать.

Ладно, признаюсь, идея, что за папá подерутся две женщины, меня изрядно веселила. Посмотрим, как природа и примула сделают свое дело.

Сидючи на ступеньках церкви на Руа Рибейро дос Сантос, я глядела, как на площади и правда дерутся отец с Шани и Долорес – отсюда, с моего насеста, картина выходила на редкость уморительная. Все трое махали руками, топали ногами, и Шани толкала Долорес в плечо, а потом обе теткИ пихали в плечо отца. Прямо кукольный театр, если смотреть его в телескоп. «Нет, это я тебя люблю! Нет, не любишь! Я люблю его больше! Вздор!»

Так скажите же, с чего это меня так разрывает от горя?

С того, что я тут одна и так далеко от них? Или с того, что отсюда они будто под водой: слов не слышно, и ламинария трясется, словно человек в приступе ярости, и Аврора, моя мать, не то жива, не то мертва, или что там еще происходит с этими тварями, когда они ускользают из сети наших дней?

Христос на постельке из белых кружев в Носса Сеньора ду Кармо³⁴ – мой самый любимый, потому как в нем сочетаются сразу несколько миров. Его вырезал африканский раб для своего хозяина-священника. Из инструментов у раба было только два ножа, и работал он восемь лет, пользуясь смолами, чтобы придать коже темно-коричневый цвет, совсем как у меня. И как у папá. Глаза у Христа закрыты, а лицо такое беспомощное, что я просто диву даюсь: как кому-то удалось дорезаться простым ножом до того, что беспомощность превратилась вот в такую странную красоту?

Священник так поразился увиденному, что подарил рабу мешок с двумя тысячами рубинов и свободу в придачу.

Освобожденный раб раздробил рубины и прилепил каждый кусочек, каждый осколок на грудь и набедренную повязку статуи. Единственное, чего в шедевре не хватало, так это знака пролитой крови. В конце концов, у резчика были только смола, дерево и два ножа.

Разумеется, он отдал статуе свою кровь. Одарив умирающего Христа этим последним мазком, раб – или теперь правильнее будет называть его свободным человеком? – лег, свернулся клубком и умер.

Я еще раз пошла посмотреть на статую. До деревянного тела сквозь стеклянный ящик не достать, так что я просто прошептала:

---

³⁴ Церковь Носса Сеньора ду Кармо (*порт.* Igreja Nossa Senhora do Carmo – церковь Богородицы Горы Кармель) – католический храм в муниципалитете Белу-Оризонти на юго-востоке Бразилии. Название церкви восходит к эпитету Девы Марии, как покровительницы Ордена кармелитов. – *Примеч. ред.*

– Представь, каково это: подарить дар столь великий, что готов за него умереть? Представь, как это: любить кого-то или что-то так сильно, что твой подарок тебя убьет?

Со мной отец драться не стал. У него голова кружилась после всего, что было.

– Ангел?

– Да, папá?

– Я сдаюсь.

– Ты это про что, папá? Ты можешь посидеть спокойно, а?

Я как раз метила ему в глаз каплями. Он сидел на нашем комковатом диване; раз отец у меня человек, придется влить в него все, что осталось.

– Я больше не якшаюсь с женщинами... ведьмами, феями, свечных дел мастерицами и, наверное, с самками омаров тоже.

– Тогда мы помрем с голоду, – логично заметила я. – А ну, сиди спокойно!

Пришлось подождать, пока бальзам впитается в один глаз, и тогда приниматься за другую. Потом вторая доза, потом третья.

– Ты будешь кормить нас обоих на зарплату свечницы.

– Долорес меня, в конце концов, уволит.

– О, нет, только не надо про Долорес! – отец аж взвизгнул, и глаза его налились огнем. Флакон опустел.

Он заглянул в Шани, за покров ее милой внешности, и увидел великолепную душу. А еще – что она скучает по своему мертвому мужу, и что папá ей на самом деле не нужен.

Иногда, объяснил он мне, человек тебе достаточно дорог, чтобы взять и уйти от него, бросить.

Долорес (ф-фух, пронесло!) тоже была не для него, хотя душу имела одинокую, а не просто сволочную.

– Тереза? – сказал он.

Мы с ним сидели за столом, а вода из крана выкапывала нам маленькую утреннюю серенаду. Мы завтракали пропитанным медом хлебом и запивали его кофе, густым и сладким, как патока. Я кивнула в ответ: я слушала.

– Я не могу перестать любить твою маму. И не хочу переставать.

Схватил чашку с эспрессо и выхлебнул содержимое, как спиртное – словно в глотку себе выстрелил. Жилы у него на руках после долгих лет тягания сетей были как синие веревки.

– Я знаю, – сказала я.

Во мне крови фэйри только половина, так что откуда мне было знать, что Аврора нарушила правило? Все фэйри подчиняются строжайшему кодексу дарения подарков. В обмен на то, что они для тебя делают, фэйри всегда ожидают дара. Меньший дар в ответ – страшное оскорбление, но и больший тоже.

– Я слишком сильно ее любил и никак не мог перестать дарить ей всякие вещи. Но прежде всего прочего я никак не мог перестать дарить ей себя, – сказал папá. – Я нарушил равновесие, хранящее нашу жизнь спокойной и обычной. Кто-то должен был заплатить за нарушение правил, и ей надо было уничтожить меня, и глазом не моргнув. Но твоя мама тоже меня любила и вместо этого решила уничтожить себя. Она заплатила свободой. Оставила мне записку, что бросится обратно, в море.

На фабрике Долорес разрешила мне взять канистру парафина с ланолином, который мы продаем в баианские³⁵ салоны красоты. Дамы погружают кисти рук в расплавленный, остыва-

---

³⁵ Баия – штат Бразилии, расположенный в северо-восточной части страны, на атлантическом побережье. – *Примеч. ред.*

ющий парафин и вынимают такие белые восковые перчатки. Кожа делается мягкой и пахнет лавандой. Отработанный воск выглядит как призраки рук. В оранжевых волосах у Долорес красуется бабочка из страз. Я похвалила – мол, мило выглядит. Она чуть не села от неожиданности, но сказала только:

– Спасибо, Тереза.

Я сунула руки в парафин и сняла слепки.

Мы с отцом пошли на залив, неся эти призраки моих рук, и пустили их по волнам. Надеюсь, Йеманья найдет их, призовет к себе Аврору и скажет:

– Смотри, это для тебя.

И мои призрачные руки погладят ее по щекам и скажут: погляди на нас, мы ждем тебя.

– Аврора! – закричал отец.

Мамины гранатовые глаза сияют во тьме. Она показывает мне осьминога, который провонил ее сквозь каверны и расселины морского дна – он умеет делать голову совершенно плоской, если надо куда-то пролезть.

– Тереза... – говорит мамá.

Обнимать ее – как обнимать водоворот, только вот утонуть не боишься. Она обрезала волосы коротко, на современный манер: все такое зазубренное и стоит дыбом. Длинные, говорит, путаются в кораллах. Мы обе хохочем над этим. Я кладу голову на ее мягкое, как губка, плечо. Дышать тут получается без проблем. Глаза у нее совсем алые, цвета страсти.

Я оставляю маму с папой наедине и отправляюсь играть в кегли с морскими звездами. Что-то светящееся поднимается из глубин, а с ним чувство, что я просыпаюсь и пробиваюсь обратно, к поверхности.

Нет, мне надо назад! Я забыла сказать мамá, что глаза у нее – цвета рубиновой крови на шедевре раба.

Мой отец-человек и я – часть часового механизма этого мира. Мы высаживаемся в самом сердце карнавала. Куда девалось несколько дней? Мимо протанцевала Шани, одетая почти ни во что. Она помахала нам и упрясалась дальше – одна, но с улыбкой. Кружащиеся женщины в юбках на обручах, топочущие ногами барабанщики, ма-де-санту и пай-де-санту³⁶, которые помогают людям уйти в транс. Я и свой-то между тем стряхнуть не могла и помирала от желания еще раз увидеть багряные глаза матери. Блестки и стразы на костюмах заставляли меня изнывать от тоски и желания.

Что же, в этом-то и есть опасность любви? Теперь у меня больше нет снадобья для защиты, и я не могу обдирать с людей шкурку, как с фруктов, и изучать их гнилое нутро – и вот вам, пожалуйста, я уже люблю парнем, показывающим капоэйру. Это наши уличные бойцы, наши факиры: они скачут так, будто из воздуха для них спускаются невидимые лестницы. От этих прыжков с кувырками они превращаются в крутящиеся белые шутихи, забивают земную силу тяжести ногами, пока она не запросит пощады. Парень махался с другими, такими же, похожими на остроконечные звезды. Когда-то давным-давно рабы учили друг друга драться так, чтобы снаружи было похоже на танец... чтобы никто не разглядел кипящего у них внутри гнева.

Я как раз допивала сок маракуйи. Плод страсти... розовый и сладкий. Разве шалость не лучше любви? Я вытащила из кармана зеркальце и поймала луч. Он пронзил понравившегося мне парня, и тот рухнул наземь. Всякий раз, как он поворачивался, я кидалась в него вспышками света, и он валился в пыль. Да что такое на меня нашло? После матча я побежала к нему.

– Тебе не больно?

---

³⁶ Пай-де-санту (*порт.* Pais de santo) – мужчина-священник в афро-бразильских религиях. – *Примеч. ред.*

Он взялся рукой за бок и попробовал отряхнуть от пыли белые штаны. Звали его Жайме, и он мне улыбался: я решила, что сейчас умру – это ж надо какой добрый!

– Не самый лучший мой день, – сказал он, ухмыляясь.

Я уже собиралась возразить, что зато у меня день выдался хоть куда, но тут примчалась какая-то девица в золотом платье-трубе и схватила его за руку. Чуть не плакала, бедняжка, от страха, что вдруг он переломал себе чего-нибудь, когда падал.

– Моя жена, – сообщил Жайме, обнимая ее за плечи и подгребая к себе поближе.

Я по-быстрому чмокнула ее на прощанье, и Жайме, раз такое дело, тоже.

Дома я сижу в ночи за столом. Хорошо, когда гроза заглушает плач. Слезы – соленая вода, мир наших тел, мир морских глубин. Моя мать плывет внутри меня... Как же мне нести ее, надежно укрытую, в радости – дальше?

В кухню на цыпочках прокрадывается отец. Я выпрямляюсь, он вытирает мне лицо, и мы вместе садимся пить ананасную газировку. Болтаем о том, как я вернусь в школу... или поеду в Рио. Мы скверно шутим и стонем от хохота. Он хочет знать, намерена ли я работать на свечной фабрике до конца моих дней. Буду ли я от этого счастлива?

Счастье! Мы оба ржем над этим словом. Я встаю и иду мыть стаканы. Они сверкают, и я убираю их в наш щербатый буфет. Когда лопнет время, как переспевший плод? Я снова навещаю кровоточащую рубинами статую и терпеливо жду, чтобы она рассказала, как боль становится красотой. А потом, в один прекрасный день, я все понимаю. Отец встает рано и отправляется в море на лодке – добывать омаров. Я машу ему с берега. И когда он опускает в воду ловушки и сети, искры Авроры летят вверх, словно желая надавать ему пощечин, а ярость солнца на волнах заставляет поднять взгляд (как и меня – мой) к нашему гигантскому городу. Он тоже весь сверкает – искрится, что твой океан, в котором можно дышать. Сокровища – любовь и ее ослепительные опасности – ждут нас там, словно бы говорит моя мать. Там, среди живущих, – когда мы будем готовы пойти и найти их.

Кэтрин Вас – приглашенный лектор в литературно-творческой мастерской Гарвардского университета (программа Бриггз-Коупленд), а также автор двух романов – *Saudade* и *Mariana*. Второй из них был переведен на шесть языков и выбран Библиотекой Американского конгресса для списка тридцати лучших международных книг 1998 года. Ее сборник *Fado & Other Stories* в 1997 году выиграл литературную премию Друэ Хайнц, а рассказы выходили во многих журналах, среди которых «Глиммер Трейн», «БОМБ», «Зе Сан», «Зе Антиох Ревью» и «Тин Хауз».

Также ее произведения вошли в антологии *A Wolf at the Door*, «Зеленый рыцарь» и *Swan Sister*. Кэтрин Вас живет в Кембридже, штат Массачусетс.

От автора

У меня есть кое-какие дальние родственники, эмигрировавшие в свое время с Азорских островов в Бразилию. Я с ними никогда не встречалась и никогда не бывала в Бразилии, но эта страна овеяна для меня флером легенд. Говорят, одна моя тамошняя кузина покончила с собой, бросившись в море. Мне повезло иметь много друзей бразильского происхождения, и они всегда привозят мне волшебные ленточки *O Носсо Сеньор до Бомфим* из Баии – повязываешь такую на запястье, и если она сама собой порвется, значит твое желание исполнится. У меня была зеленая, и она порвалась, когда я преподавала в Калифорнии, – на той неделе я продала издательству мой сборник рассказов. А зеленый как раз символизирует предпринимательство, удачу и деньги.

Мне всегда очень нравились сказания о Йеманье, королеве океана, и этот чудесный ритуал, когда в день ее праздника люди отправляют по волнам бумажные лодочки с помадой и прочими сокровищами. Эта картина так долго жила у меня в голове, что я сама почти чувствовала морской бриз на коже. Так что вот вам история моей любви и родства с далеким краем, с которым меня связывают только друзья, талисманы, чувства да мысли.

Кэтрин Вас

Гора Тэнгу

37

Андо встретил свою судьбу, когда карабкался вверх по горному склону к дому тетушки Сакуры. Судьба явилась в обличье монаха – и Андо чуть на него не наступил.

Монах лежал поперек тропы, словно бревно, скатившееся с вершины и застрявшее между двумя скальными выступами. Поначалу Андо и принял его за бревно. В лучах заходящего солнца оранжевые одежды монаха казались то ли осенними листьями, то ли хлопьями облупившейся коры. И только подойдя вплотную, Андо заметил остальное: закрытые глаза, до смешного огромный нос и седую бородку. Голову спящего венчал черный токин³⁸, и по нему, да еще по одеждам, Андо понял, что перед ним – ямабуси, один из горных отшельников, объявленных вне закона.

Андо опасливо огляделся по сторонам, а рука его сама собой потянулась к мечу. Уж не сбросил ли этого монаха кто-то сверху? Может, какой-нибудь гневливый сёгун послал за ним самураев? Но пятен крови на одежде не было, да и голова лежала, по всей видимости, удобно. Похоже, ямабуси и впрямь решил прикорнуть и нарочно пристроился между камнями так, чтобы не скатиться.

Между тем солнце уже садилось, и Андо заволновался: ему предстоял еще долгий путь. С тропы сворачивать не хотелось. К тому же, если монах все-таки мертв, то ему уже ничем не поможешь, а если спит – тем более, лучше его не беспокоить.

Андо поудобнее вскинул мешок на плечо и занес ногу, собираясь переступить через монаха и идти себе дальше.

Из складок оранжевых одежд взметнулась рука, ухватила Андо за подошву сандалии и резко дернула, отрывая от земли. Андо взлетел и, перекувырнувшись через собственный мешок, приземлился, как ни странно, на обе ноги – хотя ни малейшей его заслуги в этом не было.

Теперь он стоял по другую сторону от монаха, а тот по-прежнему лежал как бревно. Глаза так и не открылись, и рука уже снова исчезла в складках одежд.

– Господин? – окликнул его Андо.

Монах даже не шевельнулся.

«Ну и что мне теперь сказать?» – озадачился Андо и почесал за ухом. Солнце уже почти скрылось за горным кряжем по ту сторону долины. Раздумывать над загадкой монаха было некогда.

– Спасибо, – сказал Андо и зашагал дальше.

– Я не дал тебе наступить на меня, а ты, вместо того чтобы извиниться, говоришь мне «спасибо»? – донеслось у него из-за спины. – Это очень необычно. Чрезвычайно странно.

Андо чуть не подпрыгнул от неожиданности.

– Я ни за что бы на вас не наступил! – заверил он, обернувшись к монаху.

– И верно. – Одним движением монах вскочил на ноги, точно молодое деревцо, которое согнули, привязав веревкой, а та внезапно возьми да и лопни. – И, надо думать, ни за что не стал бы заливать мне в глотку расплавленную медь.

Андо заморгал в удивлении:

– Мне бы такое и в голову не пришло! Расплавленную медь?

---

³⁷ “Tengu Mountain” copyright © Gregory Frost, 2004. Блейз А. И., перевод с англ., © 2018.

³⁸ Токин – небольшая черная кожаная коробочка в форме полусферы, традиционно носящаяся на лбу японскими монахами-отшельниками в качестве отличительного знака; также использовалась как чашка для питья. В иудаизме аналогом токина является тфилин. – *Примеч. ред.*

Монах досадливо отмахнулся:

– Бывало и хуже. Проклятые сюго³⁹ всё шлют и шлют своих самураев, чтобы извести нас под корень... А тебе, парень, не стоило бы шататься по этой горе совсем одному на ночь глядя.

– Хороший совет от человека, который прилег поспать на этой горе на ночь глядя!

– На самом-то деле, – словно не слыша его, продолжал монах, – тут человека вообще редко встретишь.

И с явным подозрением прищурился на Андо.

– Я иду на вершину этого хребта, – пояснил тот. – Там, под горой Курами, живет моя тетушка, и до конца года я намерен прогостить у нее. Так что уже очень скоро я не буду совсем один... если ты перестанешь меня задерживать своей болтовней, – добавил он и снова закинул мешок на спину.

– Вот, значит, каким манерам нынче учат молодых в городе? Или ты среди тануки⁴⁰ вырос?

– Что? – Андо закаменел от гнева. – Я вырос в приличной семье! И мне больше не о чем с тобой говорить, ты, жалкий бродяга! Сдать бы тебя местному сюго – и пускай делает с тобой, что захочет! Льет тебе в глотку расплавленную медь или что там ему еще взбредет в голову...

И с этими словами он ринулся вверх по тропе.

Ярость подхлестывала его, и Андо не сбавлял шагу. До тетушкиного дома, должно быть, уже подать рукой, думал он. Но в последний раз он был здесь еще ребенком. Напрягая глаза, Андо вглядывался во мрак перед собой: быть может, среди деревьев мелькнет огонек, укажет ему дорогу?

Тропа, до сих пор забиравшая направо, круто вильнула влево – и Андо застыл, как вкопанный, едва не столкнувшись нос к носу с тем самым монахом, с которым только что распрощался. Монах опирался на какой-то странный посох и выглядел так, будто стоит тут уже не первый час. Андо невольно оглянулся назад, недоумевая, каким чудом его так опередили. А может, этих монахов двое и они просто решили его разыграть?

– Я хотел попросить у тебя прощения, добрый юноша, – сказал монах. – Не надо мне было возводить напраслину на твое почтенное семейство. Теперь я вижу, что тебя воспитали должным образом. Прошу тебя, дозвожь мне сопровождать тебя в этих горах. Нет-нет, я вовсе не хочу сказать, что тебе требуется помощь! Я уверен, что ты и сам прекрасно отыскал бы дорогу. Но все же я знаю эти горы лучше всех, кто живет в округе, и мог бы послужить тебе провожатым во тьме этой безлунной ночи.

– Откуда мне знать, что ты из вредности не заведешь меня куда-нибудь на край обрыва? Монах задумчиво подергал себя за нос.

– Ну, коли так, разреши мне идти за тобой следом, охранять твою спину, – предложил он.

– От кого?

– Как знать...

– Ну, так или иначе, помешать тебе идти за мной я не смогу. Пришлось бы пятиться спиной вперед.

– Было бы трудновато, – кивнул монах.

– Только держись подальше, – предупредил Андо. – А то вдруг ты все-таки задумал столкнуть меня с обрыва.

В сомнениях покачав головой, он двинулся вперед по тропе – и поначалу оглядывался чуть не на каждом шагу, но его непрощенный спутник честно держался поодаль.

– Как зовут твою тетку? – через некоторое время спросил монах.

---

³⁹ Сюго (шуго) – в средневековой Японии титул, наиболее близкий к военному губернатору. Сюго назначались сёгунами для надзора над одной или несколькими провинциями. В конце XV в. сменились даймё. – *Примеч. ред.*

⁴⁰ Тануки – традиционные для японской мифологии звери оборотни, обычно изображаемые в виде енотов или енотовидных собак. – *Примеч. ред.*

– Тетушка Сакура, – ответил Андо. – Она живет на вершине этого хребта, в красивом доме. Мои родители называют его летним домиком, но на самом деле тетушка живет там круглый год, с тех пор как умер дядя, – а умер он давненько. Тетушка Сакура – сестра моего отца, а мать с ней не ладит. Я с шести лет у нее не бывал.

– Четырнадцать лет прошло, – заметил монах.

– Да... Эй, а ты откуда знаешь? – Андо обернулся и уставился на монаха.

– Просто догадался, молодой воин.

– Ха! Я вовсе не воин. Я... в общем, я... я – художник.

И тут впереди, среди деревьев, блеснули огни.

– Туда! – крикнул Андо и припустил по тропе, которая уже превратилась в едва различимую полосу земли под ногами.

Наконец, он остановился перед открытыми воротами. За ними, на плато, стоял просторный дом, сияющий фонарями.

– Ну, вот и он! – объявил Андо.

– Дом твоей тетушки? – растерянно переспросил монах.

– Просто изумительный, да?

– Да уж. Изумительный. Как и ты сам, молодой... человек.

– Ты ведь знаешь мою тетушку?

– Не в этом качестве.

Внезапно вежливость превозмогла здравый смысл, и Андо спросил:

– Поужинать не хочешь? Мы с тобой долго шли. Наверняка ты проголодался.

– Голод есть нужда телесная, – промолвил монах. – Я же много пощусь, чтобы отринуть все подобные нужды и проникнуть взором в тайную суть вещей. Нет, я не поддамся соблазну! Здесь я должен с тобою проститься.

Он подошел к Андо, наклонил свой посох, покрытый причудливой резьбой, и снял одно из железных колец, привешенных к набалдашнику. Андо так и не понял, как он этот сделал.

– Это тебе, – сказал монах, протягивая ему кольцо.

Андо поблагодарил и сунул кольцо в мешок. А монах добавил:

– Если тебе что-нибудь понадобится, я всегда здесь. Я не покидаю этой горы.

С этими словами он двинулся вниз по склону и вскоре растаял во мраке.

– По-моему, кое-кто *чересчур* много постится, – пробормотал Андо себе под нос, перевалил мешок на другое плечо и вошел в ворота.

* * *

Тетушка Сакура была одного возраста с отцом, но осталась такой же красавицей, какой Андо ее запомнил. Она вышла к племяннику в алом кимоно и ждала на верхней ступеньке. Андо поднялся по лестнице, тетушка его обняла, и в ноздри ему ударил запах цветов, влажных от росы, – такой свежий и чистый, что у него закружилась голова.

– Милый, милый племянник! О, да ты стал мужчиной! Неужто столько времени прошло?

– Да, тетушка. Я как раз об этом говорил с одним путником – четырнадцать лет...

– Еще один путник на этой горе? Посреди ночи? – перебила тетушка, вглядываясь в темноту за спиной Андо. – И ты не пригласил его в дом?

– Пригласил. Но он отказался, да так, словно я пытался заманить его в ловушку.

Тетушка закатила глаза.

– И кто же он был, этот безрассудный путник, не способный отличить честного юношу от разбойника?

– Какой-то монах, ямабуси. Я с ним случайно встретился. Такой высокий, с огромным носом картошкой. И ужасно нахальный.

Тетушка отступила на шаг и прижала пальцы к губам.

– Ты встретился с ним? – Она снова бросилась к Андо и крепко сжала его в объятиях, а он подумал – надо бы почаще давать ей повод вот так его обнимать. – Ах ты, бедный мой племянничек! Ты даже не представляешь, как тебе повезло! Припозднись ты еще на час, не больше, – и тебе конец.

– Как это? Почему?

– На этой горе водятся страшные твари, Андо! Они тут повсюду рыщут, и не приведи боги тебе с ними столкнуться! Это тэнгу, злые духи. И они могут прикинуться кем угодно, хоть бы и монахом! Они воруют и едят детей. И у них огромные носы – точь-в-точь, как ты говоришь, у того путника. Наверняка это был кто-то из старших тэнгу. Дай ему волю – и он увел бы тебя прочь с тропы, напрямиком на погибель.

«Ага, – сказал себе Андо. – Так я и знал». А вслух ответил:

– Он предложил проводить меня, но я отказался. Велел ему, чтобы шел позади.

Тетушка еще раз крепко стиснула его, и Андо основательно ощутил холмы и долины ее тела.

– Это и спасло тебе жизнь, милый племянник. Сюда он, разумеется, не войдет. Такие, как он, не могут войти в дом, если их не пригласят сами хозяева. Так что он не стал и пытаться – побоялся выдать себя.

Андо опустил подбородок на тетушкино плечо. Да, он и впрямь был на волосок от гибели! По телу его пробежала дрожь. Этот злой дух расставил на него силки и наверняка погубил бы его, не будь он так осторожен.

Тетушка поднесла горячее сакэ, и Андо жадно выпил, чтобы прогнать засевший в сердце холод смертельной опасности. Такого вкусного сакэ он в жизни не пробовал!

* * *

Тетушка Сакура приготовила для него комнату. В углу горела свеча, заключенная в бумажный шар, и в ее теплом свете циновки казались особенно уютными. Раздвижные ставни в дальней стене выходили на внутренний дворик огромного дома.

Под хмельком и разомлевший после ужина, Андо сел и растер усталые ноги. Затем потянулся к мешку, достать свои пергаменты и кисти, и тут что-то со звоном упало на пол. Андо наклонился и поднял железное кольцо, которое дал ему монах... то есть, злой дух. Теперь, при свете свечи, на кольце проступили какие-то странные знаки. Андо поднялся и шагнул было к выходу, но так и замер с поднятой рукой, не решившись отодвинуть ширму. Не надо тетушке знать, что он принял подарок от тэнгу, – ей только лишнее расстройство. А завтра можно будет просто пойти и закопать где-нибудь это кольцо, и с глаз долой.

Он задул свечу, рухнул на циновку и уснул.

Но усталость, разговоры о злых духах и муть в голове от горячего сакэ не прошли даром. Андо приснилось, что двери бесшумно разъехались, и в комнату ввалилось какое-то жуткое существо, громадное и корявое. Сопя и громко принюхиваясь в темноте, оно то задирало морду, то наклонялось к самому полу, и медленно, словно вслепую, подходило все ближе и ближе. Андо попытался вскочить, но неведомая сила как будто приковала его к месту. Он даже руки не мог оторвать от циновки.

В дверях между тем собрались другие странные тени. Огромные глаза их горели в темноте и двигались, следя за чудищем, ковылявшим по комнате.

Чудище приблизилось к Андо вплотную и засопело прямо над ним. Чтобы рассмотреть его, Андо пришлось запрокинуть голову, – и чудище, поймав его взгляд, ухмыльнулось сначала самому Андо, а потом столпившимся у дверей тварям.

– Это мой обед! – объявило оно.

Голос его скрежетал, как несмазанные дверные петли.

Чудище потянулось к Андо, явно собираясь начать свое пиршество с глазных яблок.

Андо подскочил с воплем – и проснулся.

В комнате было светло. И никаких злых духов. Андо сообразил, что чудище ему просто приснилось, и схватился за голову. «Больше никакого сакэ», – пробормотал он.

Внезапно дверная ширма снова отъехала в сторону. Андо нахмурился и потянулся к мечу, но на сей раз вместо чудовища в комнату вошла молодая девушка с туповатым лицом, бледным, как мел, и черными волосами, которые свисали патлами на глаза, смотревшие безо всякого выражения.

– Доброе утро, молодой хозяин, ваша тетушка велела мне искупать вас и переодеть к завтраку, – отбарабанила девушка.

– Искупать и переодеть?

– Да.

Андо на четвереньках сполз с циновки. Девушка проскользнула в комнату, взяла его за руку и повела по коридору в купальню. В воздухе клубился пар. Андо в очередной раз подивился размерам тетушкиного дома. Служанка между тем раздела его и помогла забраться в лохань. Несмотря на пар, вода была едва ли теплее воздуха: не сказать, чтобы холодная, но далеко не такая горячая, как он опасался.

Девушка встала на колени и принялась скрести его щеткой.

– Эй! – Андо отпрянул, схватившись за плечо и оглянувшись проверить, цела ли спина. – Ты что, кожу с меня содрать хочешь?

– Прошу прощения. Позвольте, я попробую еще раз.

Андо неохотно кивнул и придвинулся ближе. Служанка снова принялась за него, орудуя щеткой помягче.

– Видно, вас плохо кормили, – заметила она. – Будь у вас побольше мяса на костях, ничего бы вам от моей щетки не сделалось. Хорошо, что вы к нам приехали! Поживете месяц-другой у вашей тетушки – сами не заметите, как наберетесь здоровьичка.

Андо попытался поймать ее взгляд, но девушка смотрела мимо него, в пустоту, словно о чем-то задумавшись.

После купания она облачила его в чистую юкату⁴¹ и повела через весь дом в кухню, где тетушка Сакура уже ожидала его, сидя на пятках. Андо она показалась еще прелестнее, чем накануне.

– Надеюсь, ты хорошо выспался, племянник.

Андо тут же вспомнил о своем кошмарном сне, но решил не огорчать тетушку.

– Да, спасибо, – сказал он. – Здесь очень... безмятежно.

– Не хватает городского шума. Там-то люди ходят по улицам днем и ночью.

– И верно, я привык к шуму. Когда привыкаешь, перестаешь его замечать. До тех пор, пока не попадешь в какое-нибудь по-настоящему тихое место.

– Так часто бывает, – согласилась тетушка. – Некоторые вещи замечаешь лишь после того, как их лишишься. Но довольно об этом. Пойдем за стол. Ты так отошал в дороге, что смотреть страшно. Надо тебя откормить.

– Девушка, которая меня купала, сказала то же самое.

– Да ну?

– Ну да. Хотя мне показалось, что она совсем дурочка.

– Я держу ее из милости. Сделала одолжение ее родным.

Андо дернул плечом.

---

⁴¹ Юката (яп. «одежда для ванны») – традиционная японская одежда – легкое летнее кимоно без подкладки и с широкими рукавами. Носится как мужчинами, так и женщинами. – Примеч. ред.

– Она меня так скребла, словно я – грязный горшок.

Тетушка нахмурилась.

– Я с ней поговорю. Еще не хватало, чтобы в моем собственном доме кто-то досаждал моему милому племяннику!

И она повела Андо в другую комнату, вторые двери которой тоже выходили во внутренний двор. На низеньком столике уже были расставлены чашечки с рисом, морскими водорослями, рыбой, яйцами и всевозможными соусами и приправами. Настоящий пир!

– Проголодался?

В животе у Андо заурчало.

– Да! Но мы, наверное, ждем еще кого-то?

– Нет, милый, это все для тебя. Я встала рано и уже позавтракала.

– Но здесь так много...

– Ничего страшного, съешь, сколько сможешь. А попозже приходи, расскажешь мне о своем искусстве.

С улыбкой она потрепала племянника по щеке, поклонилась и вышла.

* * *

После еды Андо отправился на прогулку в надежде отыскать какой-нибудь вдохновляющий вид. Великие художники, думал он, должны искать вдохновение. Вот и он, Андо, найдет такое место, которое его вдохновит, а потом вернется туда с тушью и кистями и напишет великую картину, потому что именно так бывает со всеми настоящими художниками. Зимой он вернется домой с такими прекрасными картинами, что родители непременно согласятся найти мастера, который возьмет его в ученики.

Оказалось, что гора вся изрезана тропами, как будто по ней ежедневно ходили сотни путников. И все же Андо не встретил по дороге никого. Может быть, тэнгу, о которых говорила тетушка, всех распугали? Или, чего доброго, переловили себе на обед? Но слишком уж славный выдался день, чтобы всерьез беспокоиться о тэнгу, да и меч у Андо был при себе.

Вскоре он потерял тетушкин дом из виду. Шагая по тропе, Андо рассеянно крутил на пальце железное кольцо – подарок монаха – и не сразу заметил, что откуда-то издали давно уже доносится непонятный шум.

Андо пошел на звук – вниз по каменистому склону. Пришлось на время оставить кольцо в покое и внимательно смотреть под ноги, чтобы не упасть.

Но прежде, чем он добрался до источника звука, склон перешел в ровную каменную площадку над обрывом, поросшую кустарником по краям. Андо остановился, поглядел по сторонам и вниз – и понял, что поманивший его шум доносится от живописного водопада, каскадами низвергавшегося откуда-то сверху и исчезавшего внизу, в огромном облаке тумана. «Вот и оно, – сказал себе Андо. – Вдохновение». Если он сумеет перенести эту красоту на пергамент, то непременно будет причислен к сонму величайших художников всех времен.

Оставалось только разобраться с железным кольцом. Трудно было придумать место, более подходящее, чтобы зашвырнуть его куда подальше. Но Андо никак не мог решиться. Филигранная работа по металлу взывала к его чувству прекрасного. Похоже, эти злые духи – искусные кузнецы. Но все-таки оставить у себя кольцо нельзя. Что, если это за ним, за кольцом, приходило ночное чудовище – пыталось разыскать его по запаху? Да нет, что за вздор. Это всего лишь сон. Андо потряс головой. Сейчас он просто возьмет и избавится от этого кольца, пока не передумал.

И с этой мыслью он размахнулся и швырнул кольцо в пропасть.

Да только оно никуда не полетело.

Андо растерянно уставился на собственную ладонь – раскрытую, с растопыренными пальцами... и совершенно пустую. А затем что-то звякнуло над ухом, и на плечо ему легло навершие посоха. Андо скосил глаза: с набалдашника свисала связка железных колец.

Он развернулся рывком.

И оказался нос к носу с давешним монахом. Вот, оказывается, куда подевалось кольцо: монах подцепил его концом посоха на лету!

Пока Андо додумывал эту мысль, монах поднял посох, и спасенное кольцо соскользнуло ему в правую ладонь.

– Да, теперь у меня сомнений не осталось, – промолвил монах. – Определенно, ты – злой дух. Кто еще станет разбрасываться такой могущественной магией? Что, решил от него избавиться? Оно жжет тебе руки? Так и должно быть, если ты – бес.

Монах взмахнул правой рукой и хлопнул Андо кольцом по носу.

Пытаясь увернуться от удара, Андо попятился – и обнаружил, что пятиться дальше некуда. Нога его зависла над пропастью. Он отчаянно рванулся вперед и рухнул на площадку ничком.

– Пожалуй, я поторопился с выводами, – прокомментировал монах. – Сначала ты пытаешься выбросить подарок. Потом пытаешься прыгнуть сам вслед за ним. Создания, познавшие гармонию, так себя не ведут. Разумные создания – тоже. Так что же ты за существо?

Пока монах разглагольствовал, сердце Андо успело вернуться из горла на более подходящее место. Испуг сменился яростью; Андо вскочил и выхватил меч.

– Тэнгу! – выкрикнул он.

Монах уставился на меч с таким неподдельным интересом, будто видел холодное оружие впервые в жизни.

– Тэнгу... – повторил он задумчиво. – Ну конечно, они в этих горах так и кишат – яблоку упасть негде. И плодятся, как бесы, а чего еще от них ждать? Но до сих пор я еще ни разу не видел тэнгу с мечом. Надо признать, ты – любопытный образец. Возможно, новая порода... – Он протянул Андо кольцо. – Ну же, возьми. Просто поддержи.

– Нет!

– Я хочу удостовериться.

– Удостовериться? Чтобы ты потом нагрязнул к нам в дом со своей стаей?

– Стаей?!

– Стаей, выводком, логовом, гнездом... не знаю! Как хочешь, так и называй!

– Ты имеешь в виду монастырь? – с некоторой растерянностью в голосе предположил монах.

– Какой еще монастырь? Я тут уже все обошел – никакого монастыря не видел.

– Он там, внизу. По ту сторону водопада. Странно, что ты его не заметил. Встань-ка сюда, на край, я тебе покажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.